

Журнал 15.01.1999 жылдан бастап шығады.
Токсан сайын шығады.

Журнал издаётся с 15.01.1999г.
Выходит ежеквартально.

Қазақстан Республикасының инвестициялар және даму министрлігінде тіркелген
Тіркелу номері: 15710-Ж
Тіркелу күні: 24 қараша 2015ж., Астана қ.
Меншік иесі: «Д.А.Қонаев атындағы Еуразиялық заң академиясы» мекемесі
Мақсаты мен міндеттері: академияның және басқа да оқу орындарының профессорлық – оқытушылық құрамының, сонымен қатар тәжірибедегі қызметкерлердің ғылыми мақалаларын жарыққа шығару.

Зарегистрирован в Министерстве по инвестициям и развитию Республики Казахстан.

Регистрационный номер: 15710-Ж.

Дата регистрации: 24 ноября 2015 г., г.Астана.

Собственник: Учреждение «Евразийская юридическая академия им.Д.А.Кунаева».

Цель и задачи: публикация научных статей профессорско-преподавательского состава академии, других учебных заведений, а также практических работников.

Редакция мекен-жайы:

Алматы қ., Құрманғазы, 107.

Телефоны: 8 (727) 292-98-77, 350-78-88

Адрес редакции:

г.Алматы, ул.Курманғазы, 107.

Телефон: 8 (727) 292-98-77, 350-78-88

**ҒЫЛЫМИ-РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕС
НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**

Автономов А.С. – заведующий сектором сравнительного правоведения Института государства и права Российской Академии наук, доктор юридических наук, профессор (г.Москва, Российская Федерация).

Булекбаев С.Б. – доктор философских наук, профессор, проректор Казахского Университета международных отношений и мировых языков им.Абылай хана.

Жалаири Ө.Ш. - доктор юридических наук, профессор, ректор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева. Председатель Совета.

Койгельдиев М.К. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой КазНПУ им.Абая.

Мауленов К.С. – доктор юридических наук, профессор Международного университета информационных технологий .

Рогов И.И. – доктор юридических наук, профессор, председатель Конституционного Совета Республики Казахстан.

Сабден О.С. – доктор экономических наук, профессор, академик НИА РК, руководитель центра экономической политики и глобализации Института экономики КН МОН РК.

**ҒЫЛЫМИ-РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА
НАУЧНО-РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

Главный редактор - **Алибаева Г.А.** – доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева.

Айтхожин К.К. – доктор юридических наук, профессор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева.

Алиева М.Б. – кандидат филологических наук, доцент Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева.

Гинзбург А.Я. – кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминалистики и правоохранительной деятельности Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева.

Дауылбаев К.Б. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономических и общеобразовательных дисциплин Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева.

Жайлин Г.А. – кандидат юридических наук, профессор, кафедры гражданско-правовых дисциплин Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева.

Магауова А.С. – доктор педагогических наук, профессор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева.

Сатова А.К. – доктор психологических наук, профессор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева.

Утибаев Г.К. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминалистики и правоохранительной деятельности Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева.

СОДЕРЖАНИЕ

Жалаири О.Ш., Айтхожин К.К. Вопросы конституционного права в работах академика национальной академии наук Республики Казахстан Сабикенова Салахидена Нурсариевича	3
Әбділда Д.Ә., Жайлау Ж. Процедуры и виды механизмов имплементации норм международного права в национальной правовой системе	18
Қуаналиева Г.А., Рахимова Г.Н. Некоторые вопросы клонирование человека по уголовному законодательству Республики Казахстан	23
Қалдарбекұлы Ө. Вопросы понятийного аппарата правового субинститута «Изъятие земельного участка у собственника и права землепользования у землепользователя»	31
Абенова Г.А. Теоретико-правовые основы социальной защиты семьи и детства в Республике Казахстан	36
Ерболатов Е.Е. Акты международных организаций как эффективный способ защиты персональных данных	41
Касымов Д.М. Понятие и система органов ювенальной юстиции в Казахстане	48
Кубенов Г.М. Влияние прецедентного права на концепцию прайвеси в странах англо-саксонской правовой системы	55
Мусабаев М.К. Административно-правовой статус законных представителей несовершеннолетних	65
Сулеева А.М. Государственно-правовое регулирование организации деятельности садоводческих товариществ в Республике Казахстан	71

Жалаири О.Ш.,
д.ю.н., профессор
ректор Евразийской юридической
академии имени Д.А. Кунаева
Айтхожин К.К.,
д.ю.н., профессор
заведующий кафедрой
конституционного, международного
права и таможенного дела
Евразийской юридической
академии имени Д.А. Кунаева

ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
В РАБОТАХ АКАДЕМИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ
НАУК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
САБИКЕНОВА САЛАХИДЕНА НУРСАРИЕВИЧА

Настоящая статья посвящена научному наследию академика Сабикенова в особенности периода суверенного развития Казахстана и в других отраслях отечественного правоведения, включая прежде всего, науку конституционного права, в развитие которой он внес самый весомый вклад. Особое внимание в работах Сабикенова уделяется проблемам формирования гражданского общества в РК, реализации Конституции, как фундамента государства, определяющего сущностное содержание и тенденции его развития. Конституционно-правовые проблемы, которые поднимает исследователь, имеют в современных условиях первостепенное значение для становления Республики Казахстан как демократического правового государства.

Ключевые слова: Республика Казахстан, Конституция, действующее право, конституционное право, правоведение.

30 декабря 2019 г. исполняется 80 лет видному ученому, доктору юридических наук, профессору, академику Национальной академии наук Республики Казахстан Салахидену Нурсариевичу Сабикену, родившемуся в семье первого советского милиционера в ауле Манаш Новобогатинского района Гурьевской (ныне – Атырауской) области.

После окончания в 1959 г. средней школы рабочей молодежи (на казахском языке обучения) в г. Гурьев (ныне - Атырау) С.Н. Сабикенов, мечтавший в детстве стать музыкантом, дирижером, всё же поступает на юридический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова (ныне – Казахского национального университета им. аль-Фараби). При этом сокурсниками будущего академика отмечается, что упорство и трудолюбие позволили ему преодолеть трудности в изучении русского языка и языковой барьер в общении со студентами и преподавателями, и успешно учиться на юридическом факультете с русским языком обучения самого престижного вуза республики.

Сам же юбиляр неоднократно подчеркивал, что в годы обучения на юридическом факультете КазГУ на формирование его познавательного интереса и мотивации к научно-исследовательской работе значительное влияние оказали

профессора Бельсон Я.М., Булатов С.Я., Котов К.Ф., Мамутов А.М., доценты Ваксберг М.А., Сартаев С.С., Таукелев А.Н., Дюков Л.В., Хангалов М.П. и многие другие талантливые педагоги, ставшие впоследствии видными учеными.

Со студенческой скамьи С.Н. Сабикенов принимает активное участие в научно-исследовательской работе, являясь председателем студенческого научного общества (СНО) юридического факультета КазГУ и возглавляя различные научные кружки молодых исследователей, выступает с научными докладами на всесоюзных и республиканских студенческих научных конференциях (Москва, Вильнюс, Ташкент и др.). Примечательно в этой связи, что подготовленная С.Н. Сабикеновым дипломная работа на тему «Вопросы теории правоотношения в социалистическом обществе» была признана малым научным исследованием как научным руководителем выпускника, к.ю.н., старшим научным сотрудником Института философии и права Академии наук Казахской ССР М.А. Биндером, так и рецензентом, к.ю.н., доцентом КазГУ М.С. Сапаргалиевым.

После окончания в 1964 г. обучения на юридическом факультете Казахского государственного университета им. С.М. Кирова по специальности «Правоведение», С.Н. Сабикенов начинает свою трудовую деятельность в органах внутренних дел Казахской ССР, работает старшим уполномоченным исправительно-трудовой колонии-58 ОМЗ Министерства внутренних дел Казахской ССР в г. Шевченко Мангышлакской области (ныне – г. Актау Мангистауской области).

Но в связи с сохраняющейся тягой к научно-исследовательской работе, С.Н. Сабикенов в 1966 г. поступает на дневное отделение аспирантуры Института философии и права Академии наук Казахской ССР по специальности «Теория государства и права», и на ученом совете Института философии и права утверждается тема кандидатской диссертации аспиранта: «Сочетание общественных и личных интересов как принцип советского социалистического права», научным руководителем соискателя ученой степени назначается – к.ю.н., доцент Кудайбергенов У.Д.

В годы обучения в аспирантуре Института философии и права на становление С.Н. Сабикенова, как молодого ученого, значительное влияние, по его мнению, оказали видные отечественные ученые-юристы: Зиманов С.З., Баймаханов М.Т., Ким В.А., Сапаргалиев Г.С., Сартаев С.С., Имашев М.Т., Кудайбергенов У.Д., Сахипов М.С., Жанабиллов Е.Ж., Баянов Е.Б. и др.

В 1967 г. в порядке планового перевода С.Н. Сабикенов становится аспирантом очного отделения знаменитого Института государства и права Академии наук СССР, где получает фундаментальную научную подготовку у таких выдающихся ученых-юристов, как Пионтковский А.А., Фарберов Н.П., Денисов А.И., Строгович М.С., Халфина Р.О., Чхиквадзе В.М., Нерсисянц В.С., Казимирчук В.П., Лукашева Е.А., Тихомиров Ю.А., Керимов Д.А. и др.

По ходатайству профессора Пионтковского А.А., первого научного руководителя С.Н. Сабикенова, он становится аспирантом заслуженного деятеля науки РСФСР, д.ю.н., профессора Халфиной Р.О., «ученого энциклопедического ума», по образному выражению ее благодарного ученика. И уже в стенах Института государства и права аспирантом Сабикеновым издается добротная научная статья «Изучение категории интереса в праве» в авторитетном журнале Академии наук СССР - «Советское государство и право» [1]. Примечательно, что статья вызвала неподдельный интерес корифеев советской юриспруденции (Фарберова Н.П., Лукашевой Е.А. и др.), предложивших молодому ученому после окончания

аспирантуры должность научного сотрудника Института государства и права Академии наук СССР.

9 июня 1969 г. С.Н. Сабикенов на заседании Ученого Совета Института государства и права Академии наук СССР блестяще защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Сочетание общественных и личных интересов в советском праве» [2]. Ведущей организацией при защите диссертации специализированным Советом был назначен Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, официальными оппонентами - видные советские правоведы: д.ю.н. Мицкевич А.В. и к.ю.н. Шафир М.А.

С 1969 г. С.Н. Сабикенов работает научным сотрудником Института философии и права АН Казахской ССР. Но в 1970 г. по рекомендации ЦК Компартии Казахстана направляется на научно-педагогическую работу в впервые созданный в Казахстане специализированный юридический вуз Министерства внутренних дел СССР - Карагандинскую высшую школу МВД СССР.

В период работы в Карагандинской высшей школе МВД СССР (1970-1993 гг.) Салахиден Нурсариевич, показавший себя не только талантливым ученым, но и педагогом высокого мастерства, образцовым офицером, последовательно в порядке повышения занимает различные должности: старший преподаватель, доцент, профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, заместитель начальника КВШ по научной работе.

С.Н. Сабикенов, работая в Карагандинской высшей школе МВД СССР, одновременно вел научно-педагогическую работу на юридическом факультете Карагандинского государственного университета в должности профессора кафедры теории государства и права (1989-1993 гг.) и неоднократно назначался Минвузом республики председателем Государственной экзаменационной комиссии. Необходимо также отметить, что профессор Сабикенов внес значительный вклад и в правовое обучение населения г. Караганды, возглавляя в качестве ректора городской народный университет «Государство и право», а также являясь активным членом правления областного общества «Знание».

Благодаря умелому руководству и организаторской способности С.Н. Сабикенова в должности заместителя начальника по научной работе Карагандинской высшей школы МВД СССР в 1979-1987 гг. и Алматинской высшей школы МВД РК в 1993-1995 гг. значительно вырос и научный потенциал этих учебных заведений, налажена в них научно-исследовательская и редакционно-издательская работа. Только редакционными отделами КВШ МВД СССР и Алматинской высшей школы МВД РК под его непосредственным участием было издано более 500 печатных листов научных трудов [3, с.34].

Под руководством профессора С.Н. Сабикенова была создана и научная школа в вузах системы МВД РК, которая и ныне активно и плодотворно работает над новыми направлениями проблем совершенствования деятельности правоохранительных органов и укрепления законности. Примечательно, что по его инициативе впервые при высших учебных заведениях МВД Республики Казахстан были созданы очно-заочная адъюнктура, докторантура. При этом Салахиден Нурсариевич внес большой вклад в становление Алматинской Академии МВД Республики Казахстан, где при его активном содействии был создан специализированный совет по защите кандидатских диссертаций по специальностям:

12.00.09 – «Уголовный процесс; криминалистика», 12.00.11 – «Прокурорский надзор; адвокатура; суд и судопроизводство».

За время работы в системе высших учебных заведений МВД Салахиденом Нурсариевичем были подготовлены десятки тысяч квалифицированных сотрудников, многие из которых являются и ныне действующими руководителями различных правоохранительных и иных государственных органов Республики.

Многие талантливые выпускники Карагандинской высшей школы МВД СССР, проявившие склонность к научно-исследовательской работе, при содействии С.Н. Сабикенова стали крупными учеными, докторами юридических наук, внесшими большой вклад в развитие отечественной правовой науки (М.С. Когамов, Б.М. Нургалиев, А.Н. Акпанов, Н.М. Абдиров, Т.Е. Сарсенбаев, Е.А. Онгарбаев, Т.А. Акимжанов, С.Е. Еркенов, Б.Х. Толеубекова, Г.С. Мауленов, М.Н. Нукунов, И.Ш. Борчашвили, К.Ш. Уканов, Н.А. Абдиканов, Б.А. Абдрахманов, В.Ш. Татарян, Е.О. Тузельбаев, А.Д. Шаймуханов, Е.Т. Жалбуров, Т.А. Ханов и др.).

Из числа выпускников Карагандинской высшей школы МВД СССР на практической службе в правоохранительных органах были удостоены высшего офицерского звания: генерал-лейтенанты: В.Г. Шумов, С.В. Соколов, Б.Г. Искаков, М. Суталинов, Ж. Бакиев, В.Ж. Приходько; генерал-майоры: М.А. Нуриманов, Б. Байжасаров, М.М. Оразалиев, М.А. Тумарбеков, А. Сабиров, М.Н. Нукунов, Р. Ибраимов, Р.Х. Узбеккалиев, С.Е. Еркенов, Т.А. Колебаев, государственный советник юстиции 3 класса Г.В. Ким, генерал-майор юстиции М.А. Аюбаев.

В период работы в органах внутренних дел С.Н. Сабикенов был награжден различными медалями и грамотами Министерства внутренних дел СССР, Казахской ССР, правления Всесоюзного общества «Знание», Министерства высшего и среднего специального образования СССР и Казахской ССР.

В 1986 г. С.Н. Сабикенов в специализированном совете при Институте философии и права АН Казахской ССР успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Право и социальные интересы в социалистическом обществе: теоретические проблемы взаимодействия». Ведущей организацией при защите диссертации являлся Институт государства и права Украинской ССР. Выступившие официальными оппонентами соискателя выдающиеся ученые-юристы: академик С.З. Зиманов, член-корреспондент АН СССР, академик Академии наук Азербайджанской ССР Д.А. Керимов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д.ю.н., профессор В.П. Казимирчук дали высокую оценку его диссертационной работе.

Свыше 50 лет и по настоящее академик Сабикенов ведет большую научно-педагогическую работу в области теории государства и права, конституционного и международного права, сравнительного правоведения. За время научно-педагогической деятельности им, как научным руководителем (консультантом), подготовлено десять докторов юридических наук и докторов философии (PhD) (Мицкая Е.В., Жалбуров Е.Т., Дюсеков А.М., Косбасаров Т.Е., Мухитдинов Е.Н. и др.), а также около сорока кандидатов юридических наук, в том числе и по специальности «Международное право».

По-особенному проявился в С.Н. Сабикенове талант ответственного руководителя и крупного ученого, когда он возглавлял в качестве учредителя и ректора с 1998 по 2007 гг. ЗАО «Международная Академия права и рынка», показав себя умелым организатором высшего образования, сочетая качества

принципиального и справедливого руководителя с внимательным и доброжелательным отношением к преподавателям, сотрудникам и студентам академии.

Он также является одним из основателей юридического факультета Университета «Қайнар» (1993 г.) и кафедры международного права юридического факультета Казахского национального педагогического университета имени Абая (1995 г.), уделявшим особое внимание проведению прикладных научных исследований, направленных на решение практических задач правовой политики государства. С 2000 по 2015 гг. Сабикенов являлся профессором кафедры международного права КазНУ им. аль-Фараби, и в настоящее время – заведующий кафедрой международного права Института Сорбонна-Казахстан КазНПУ им. Абая.

С.Н. Сабикенов в течение ряда лет являлся членом диссертационных советов при Институте государства и права Академии наук Республики Казахстан (1997-2000 гг.), членом (2000-2001 гг.) и заместителем председателя (2008-2010 гг.) диссертационного совета при КазНУ им. аль-Фараби, председателем диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук при Алматинской высшей школе МВД РК (1993-1995 гг.). С 2008 г. - являлся членом диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук при Кыргызском национальном университете им. Ж. Баласагына.

Кроме того, С.Н. Сабикенов выступал первым официальным оппонентом по докторским диссертациям Г.А. Мукамбаевой, З.С. Кенжалиева, К.А. Жиреншина, Н.У. Усерова, А.Е. Бектурганова, К.Х. Халикова, С.О. Созакбаева, Э.Б. Мухамеджанова, А.С. Ибраевой, Е.Б. Абдрасулова, М.Х. Матаевой и др.

Как известный ученый-юрист, профессор Сабикенов избирался членом Всесоюзного научно-координационного Совета при Президиуме АН СССР «Закономерности развития государства, управления и права», выступал с научными докладами на многих всесоюзных, международных конференциях по актуальным проблемам теории государства и права, конституционного и международного права.

В 1993 г. был избран ученым секретарем впервые созданного в Казахстане экспертного совета по юридическим наукам ВАК, а в 1999-2001 гг. - его председателем. В 1994 г. - избирается академиком Академии естественных наук и членом её президиума. В 1995 г. за весомый вклад в развитие отечественной юридической науки был избран членом-корреспондентом Национальной Академии наук Республики Казахстан, а затем в 2007 г. - академиком. В 1999 г. Сабикенов был избран членом бюро отделения общественных наук Академии наук Республики Казахстан.

В 1989–1994 гг., являясь членом Центральной избирательной комиссии по выборам и отзыву народных депутатов Казахской ССР, С.Н. Сабикенов принимал непосредственное активное участие в подготовке и проведении первых выборов народных депутатов Верховного Совета Казахской ССР и первого Президента Республики Казахстан, за что неоднократно поощрялся Верховным Советом и Президентом Республики Казахстан. Принимал активное участие в качестве члена экспертной комиссии по разработке проекта Конституции Республики Казахстан 1993 г., являлся членом Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан (2003-2009 гг.).

В 1995 г. Указом Президента Республики С.Н. Сабикенов был назначен членом первого состава Конституционного совета Республики Казахстан сроком на 6

лет, проработав на этой должности до 1999 г. С 1999 г. по 2002 г. являлся членом научно-консультативного совета при Верховном Суде Республики Казахстан [4].

Выдающийся вклад, внесенный академиком С.Н. Сабикеновым в развитие казахстанской науки и системы высшего образования, был по достоинству оценен и на международном уровне. На саммите 2000 г. Лидеров XXI века в области науки, культуры и образования в Оксфордском Университете (Великобритания) решением Европейской Ассамблеи бизнеса, науки и образования он награжден международной наградой им. Сократа за внесенный личный вклад в интеллектуальное развитие современного общества и занесен в международный регистр выдающихся личностей современного мира.

20 декабря 2004 г. С.Н. Сабикенов, как крупный ученый в области общей теории государства и права, конституционного и международного права, и выдающийся педагог-организатор, решением Казахско-Швейцарского саммита, состоявшемся в г. Женева, награжден золотой медалью «За безупречную деловую репутацию» [3, с.38].

Академик С.Н. Сабикенов в 2008 г. был избран членом Российской ассоциации международного права и членом редакционной коллегии журнала «Зарубежного законодательства и сравнительного правоведения Института зарубежного законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. В настоящее время также является членом редакционной коллегии отечественных научно-практических журналов: «Мысль», «Мир и закон», «Юрист», «Фемида», «Международные отношения и международное право», «Евразия», «Научный мир Казахстана», «Право и политика».

И в настоящее время Салахиден Нурсариевич, являясь неустанным тружеником юридической науки, полон творческих замыслов, работая над актуальными проблемами теории и методологии правовой науки, формирования демократического общества, правового государства и социально-ориентированной рыночной экономики в особенности, а также современного международного права.

Продолжается его активная работа и в сфере подготовки высококвалифицированных юристов и научно-педагогических кадров (магистров права, магистров юридических наук и докторов философии Ph.D). Профессор Сабикенов выступает также с лекциями по проблемам теории государства и права, сравнительного и международного права, совершенствования правовой политики Республики Казахстан перед студентами казахстанских вузов.

Салахиден Нурсариевич и его жена Гаухар Нургалиевна воспитали двух замечательных дочерей: Зауре – кандидат юридических наук, ведущий экономист и Айжан – кандидат юридических наук, исполнительный директор туристской компании Vip KZ Tour, радующих родителей внуками: Дастаном, Касымжаном, Алимжаном, Ансаром, Рахимжаном, Жангиром и правнуком Арсеном.

Блестящему перу академика Сабикенова, представителю редчайшей плеяды выдающихся ученых-юристов Казахстана, таких, как академики Зиманов С.З., Сапаргалиев Г.С., Баймаханов М.Т., Сартаев С.С., Еренов А.Е., Сулейменов М.К., принадлежат свыше 300 печатных опубликованных научных трудов, в числе которых десять фундаментальных монографических исследований, посвященных актуальным проблемам общей теории права, конституционного и международного права.

Примечательно, что в своих научных изысканиях профессор С.Н. Сабикенов, одним из первых ученых-юристов в Советском Союзе, обратился к таким фундаментальным проблемам юридической науки, как теоретические проблемы

взаимодействия права и социальных интересов, правовой активности личности, интересов индивида в системе факторов правомерного и противоправного поведения, взаимной ответственности государства и личности.

В научных трудах советского периода академика Сабикенова С.Н. основное внимание уделялось проблемам общей теории права и государства: изучению категории интереса в праве, сочетания общественных и личных интересов в праве, совершенствования правовой политики государства, которые во многом сохраняют свое категориально-методологическое назначение и в современных условиях формирования демократической государственности Казахстана.

Последовательный подход с позиций общей теории права позволил ученому обстоятельно показать, что право является одним из основных средств осуществления в жизни осознанных обществом интересов. Соответственно возведенная в закон воля народа обуславливается его объективно существующим интересом, и этот объективный интерес, будучи осознанным, служит основой формирования единой законодательной воли народа. *«Понимание интереса как объективной категории применительно к правовым явлениям, - делает соответствующий вывод исследователь, - имеет непосредственное практическое значение для совершенствования и повышения социальной эффективности правовых норм»* [5, с.6].

Важное методологическое значение в настоящее время сохраняет и вывод ученого о необходимости выработки оптимальной меры и степени соединения общественных и личных интересов при установлении соответствующих прав и обязанностей граждан, как конкретной задачи правотворческих органов, *«выполнение которой обеспечит эффективность регулирования правом определенных видов общественных отношений»* [5, с.12].

Концептуально существенную смысловую нагрузку для понимания современных правовых процессов в обществе сохраняют и рассуждения исследователя о том, что правильное осознание объективного единства общественных и личных интересов и их сочетание в правомерном поведении граждан зависит и от самого субъекта права, от осознания им требований общественного интереса. Но вместе с тем правовое сознание гражданина, по его авторитетному мнению, есть не только познание правовых норм, оно выражает и характеризует самого сознающего субъекта, являясь не пассивным отражением действующих в обществе правовых норм, а действенным отношением к ним, включая сложную систему субъективных мотивов, оценок. *«Поэтому реализация нормы права в правомерном поведении граждан всегда есть творческий акт, требующий субъективной оценки выраженных в норме права интересов общества и личности»* [5, с.16].

Вместе с тем значительное научное наследие академика Сабикенова и, в особенности периода суверенного развития Казахстана, относится и к другим отраслям отечественного правоведения, включая, прежде всего, науку конституционного права, в развитие которой он внес самый весомый вклад. Конституционно-правовые проблемы, над которыми занимается Салахиден Нурсариевич, имеют в современных условиях первостепенное концептуальное значение для становления Республики Казахстан как демократического правового государства и формирования её новой национальной правовой системы и как члена мирового сообщества, демонстрирующего *«пример единства, общественного согласия и межэтнической толерантности»* [6, с.11].

В первую очередь, для научного творчества С.Н. Сабикенова характерно стремление к постановке новых вопросов на основе собственного видения актуальных проблем отрасли отечественного конституционного права, что делает его научные труды и выступления на научных конференциях чрезвычайно интересными, вызывая творческие дискуссии среди государствоведов.

При этом стержнем научного творчества неутомимого исследователя, определяющим его фундаментальную направленность, являются работы, посвященные актуальным проблемам содержательной характеристики Конституции, реализации ее потенциала, сочетания стабильности и динамичности конституционно-правовых норм, совершенствования конституционных гарантий обеспечения прав и свобод человека и гражданина и т.д. [7, с.103-110; 8, с.49-54; 9, с.85-90].

Так, С.Н. Сабикеновым на основе анализа норм Основного закона и конституционного законодательства ставится задача дальнейшего, более тщательного изучения соотношения понятий «конституционное право» и «конституционное законодательство», учета всех общеправовых принципов, нормативно закрепленных Конституцией Республики Казахстан, как актом, обладающим высшей юридической силой [10, с.114].

В научных трудах академика Сабикенова особенное место отводится и рассмотрению проблем Конституции Республики Казахстан как Основного закона государства, в котором заложена либеральная концепция, как фундаментальная конституционно-правовая идея, согласно которой человек, его жизнь, права и свободы представляют высшую социальную ценность общества и государства [11, с.224; 12, с. 55-67].

Примечательно, что, основываясь на анализе сущностных характеристик Конституции как Основного закона государства, исследователь отмечает, что действующая казахстанская Конституция является переходной, гибридной конституционной моделью, соединяющей растущее новое и уходящее, преодолеваемое старое. Соответственно из-за ее своеобразного гибридного содержания, соединяющего новое и старое, по мнению автора, сохраняющему свою злободневность и в настоящее время: *«существует приоритетное регулирование государственной собственности, парламентаризм развивается в ограниченных формах, парламентский контроль за исполнительной властью слаб, в форме правления превалируют черты сильной президентской власти, централизации, до сих пор не функционирует местное самоуправление ...»* [13, с.183].

При этом сущность Конституции как Основного закона государства характеризуется им не только в юридическом, но и в социальном аспекте. Так, юридическая сущность Конституции, по мнению исследователя, заключается в том, что Конституция является учредительным, правовым актом, Основным законом государства, принимаемым и изменяемым в особом порядке, обладающим высшей юридической силой и служащим юридической базой для правотворчества и правоприменения [13, с.186].

Социальная сущность Конституции Республики Казахстан характеризуется: *«как закрепление Основным законом совпадающих жизненных интересов народа при приоритете интересов доминирующего социального слоя, юридическое выражение достигнутого в обществе компромисса или консенсуса на базе признания общечеловеческих ценностей»* [13, с.189].

Во многих научных трудах С.Н. Сабикенова рассматривается также самый сложный комплекс проблем прав человека: природа, сущность, генезис прав

человека, их роль в установлении полнокровных взаимоотношений между индивидом, обществом и государством, всемерного укрепления правового статуса человека и гражданина. Глубоко прав исследователь, отмечая, что среди приоритетов и ценностей казахстанского конституционализма особое место *«должны занимать права и свободы человека, гражданина и их приоритетность по отношению других ценностей. Именно приоритетность прав и свобод человека, гражданина должны составлять идейную основу теории конституционализма как ее важнейшего принципа»* [14, с.39].

С учетом вышеуказанного, особое место в научном творчестве ученого занимают проблемы обеспечения прав человека. При этом автор не только поднимает общетеоретические проблемы прав человека, но и анализирует реальные политико-правовые и социальные ситуации, складывающиеся в стране, и затрудняющие процессы обеспечения прав человека, формирования правовой государственности [15].

Так, исследователем справедливо отмечается, что права человека пока еще не стали абсолютным приоритетом в государственной политике и деятельности государственных органов, отсутствует необходимый уровень понимания и координации действий всех ветвей власти в обеспечении и защите прав и свобод человека, деятельность правозащитных механизмов в стране нуждается в серьезной корректировке [14, с.47].

Наряду с обстоятельным рассмотрением проблем обеспечения прав человека, автор большое внимание уделяет и вопросам совершенствования конституционных основ взаимоотношений государства и личности. При этом взаимоотношения личности и государства рассматриваются, как *«одна из ведущих проблем политико-правовой мысли, имеющая многовековую историю. ... поскольку без учета взаимодействия государства и личности невозможно было установить в обществе порядок, организованность и устойчивое развитие общественного процесса»* [16, с.175].

Отмечая в этой связи факты сохраняющегося неуважения и безразличия к правам и свободам человека со стороны государства и его структур, исследователь вполне обоснованно делает вывод: *«Чиновничья бюрократия даже не утруждает себя заверениями в приверженности правам человека, чувству безнаказанности и свободу от любой ответственности. Механизмы пресечения чиновничьего произвола практически отсутствуют. Отсюда нарушения прав человека – представителя различных слоев населения, особенно сельской местности»* [16, с.177].

И для преодоления такой ситуации, установления свободных, равноправных отношений между человеком и государством, отмечается необходимость создания целенаправленной парадигмы, *«в соответствии с которой должны строиться отношения «человек-государство»* на основе реального претворения в жизнь принципов правового государства, взаимной ответственности государства и личности, создания подлинной юридической культуры, основанной на уважении к правам и свободам человека и гражданина [16, с.178].

Примечательно, что на основе детального анализа состояния соблюдения прав человека в Казахстане, С.Н. Сабикиновым неоднократно отмечалась и необходимость принятия и впоследствии полнокровного выполнения Национального плана действий в области прав человека в Республике Казахстан на 2009-2012 гг., одобренном резолюцией Президента Республики Казахстан от 5 мая 2009 г. №32-36 [17, с.3-7; 14, с.47-48].

В конечном счете, претворение в жизнь Национального плана действий в области прав человека, по мнению исследователя, должно содействовать формированию в обществе высокой культуры прав человека, основанной на внедрении международных стандартов по правам человека в национальное законодательство и правоприменительную практику, совершенствованию национальных механизмов защиты прав человека, *«что позволит ускорить процесс вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира»* [14, с.47-48].

Практическую значимость сохраняют и выводы ученого о перспективах развития международно-правовых концептуальных основ прав человека, настоятельной острой потребности в создании универсальной концепции прав человека, одобрении и принятии ее международным сообществом. Обозначая в этой связи кризисную ситуацию, приведшую к необходимости реорганизации всей системы деятельности ООН в области прав человека, С.Н. Сабикенов отмечает, что одной из главных международных задач является разработка и принятие нового универсального международного договора – Хартии прав человека для XXI века [18, с.74].

При этом общечеловеческая концепция прав человека, рассматривается ученым, как идейная основа международного сотрудничества государств в сфере защиты прав человека [19, с. 233-239]. Ведь без торжества представлений о том, что права и свободы каждого индивида, честь и достоинство каждой личности являются величайшими общечеловеческими ценностями, подлежащих повсеместной защите и обогащению, как справедливо отмечает автор: *«нельзя всерьез рассчитывать на стабильный, справедливый и гуманный мир. А вне такого мира у современной цивилизации едва ли есть твердый шанс выжить и развиваться дальше»* [18, с.74].

Академиком Сабикеновым предметно актуализируются и конституционно-правовые проблемы укоренения культуры демократии и фундаментальных факторов ее последовательного упрочения на основе приоритетности прав и свобод человека и гражданина. В этой связи на основе анализа социально-политических процессов, связанных с укреплением культуры демократии в транзитном обществе, исследователем справедливо отмечается, что применительно к дискуссии о культуре демократии на авансцену выдвигается, конечно, ответственность политическая и юридическая.

При этом для современного Казахстана, по авторитетному мнению автора, *«особенно важны два момента: во-первых, реализуемость ответственности перед законом (государством), но и обязательность государства и его аппарата перед личностью; во-вторых, обеспечение всеми законными способами неотвратимости, максимальной ответственности. В обстановке безответственности, игнорирования обязанностей ни о какой культуре, а тем более культуре демократии речи быть не может»* [20, с.19].

Интересны подход и доводы исследователя к рассмотрению актуальных проблем демократии, как базового элемента политической системы и как принципа государственной и общественной жизни, распространяемого не только на политику, но и на сферы экономических отношений (свобода конкуренции и др.), социальной жизни (соревновательность) и область идеологии (идеологический плюрализм) [21, с.93].

Отмечая в этой связи целесообразность какой-либо обобщающей конституционной формулировки о демократии, пронизывающей не только

политическую систему, но и весь общественно-государственный строй, исследователь резонно ставит вопрос о дополнении Конституции Республики Казахстан следующим конституционным положением: *«Жизнь общества, все общественные отношения должны быть основаны на принципах демократии и в соответствии с Конституцией и законами»* [21, с.93].

С учетом вышеуказанного, автор анализирует трудности на пути развития демократии в Казахстане. Отмечая, что современная демократия есть результат постоянного соединения теории и практики, слова и дела, им делается обобщающий вывод о том, что только широкомасштабное и целостное развитие демократии, как матрицы государственного устройства Казахстана, ускорит развитие общества и государства. И такая демократия, по мнению исследователя, должна отличаться следующими сущностными чертами, как система народного представительства и разделения властей, политическим и идеологическим плюрализмом, конкуренцией, безусловным признанием достоинства основных прав и свобод человека, политического равноправия граждан, эффективным культивированием общепринятых гуманитарных ценностей, наличием развитого и влиятельного сообщества негосударственных объединений, реализующих партикулярные интересы своих участников [22, с.81].

Так, обращаясь к актуальным проблемам возможной конституционной реформы в стране, исследователь ставит вопрос о целесообразности решения в Конституции Республики Казахстан вопроса о сопротивлении народа антинародной власти для напоминания *«об ответственности любого государственного органа и должностного лица перед народом, о том, что правительство, чиновники находятся на службе у народа, а не наоборот, что народ вправе сопротивляться неконституционной, угнетательской власти и изменить ее»* [21, с.93].

С учетом вышеуказанного, С.Н. Сабикеновым ставится и задача конституционного и законодательного определения характера и места политической оппозиции среди структур общества, т.к. *«действующее законодательство не учитывает особенностей деятельности политических сил, находящихся в оппозиции к власти»* [23, с.101]. Между тем, как отмечает автор, необходимость законодательного регламентирования права граждан на оппозиционную деятельность является исторически назревшей, т.к. *«непосредственно связана с повышением роли политических партий в современном обществе»* [23, с.101-102]. *«Политическая оппозиция, признанная народом и государством, легально функционирующая, - по его справедливому мнению, - должна обладать определенными правами и обязанностями»* [21, с.94].

Данное предложение академика Сабикенова заслуживает особого внимания законодателя, т.к. конституционный опыт ведущих демократических стран показывает: *без оппозиции нет демократии*. Политические партии, находящиеся в оппозиции, играют важную роль в законодательном процессе парламентов, когда политическая система общества предоставляет правовое пространство для полнокровного диалога с оппозицией. Как видно, демократия, основанная на политическом многообразии и многопартийности, исходит из необходимости существования оппозиции и не допускает монополии на власть. Соответственно исследователь, отмечая отсутствие правовых основ политической конкуренции в Казахстане, делает резонный вывод: *«Только в условиях политической конкуренции возможен серьезный диалог о развитии нашего государства»* [23, с.100].

На основе детального обобщения зарубежного конституционного опыта и основных тенденций мирового конституционного развития исследователем также формулируется, что для современной демократической конституции необходимы следующие положения, характеризующие основы политической системы общества: демократия во всех ее элементах и системы в целом; власть народа в различных проявлениях; политический плюрализм; ролевая автономия звеньев политической системы; соревновательность в политическом процессе; самоуправление коллективов и объединений, в том числе местное самоуправление и т.д. [21, с.92].

Особое внимание в работах Сабикенова уделяется также проблемам формирования гражданского общества, как фундамента государства, определяющего сущностное содержание и тенденции его развития. Раскрывая в этой связи основные пути развития гражданского общества в Казахстане, исследователь делает ключевой вывод: *«Государство должно быть зависимым от гражданского общества и всецело ему подчиняться и создавать условия»* для максимальной реализации прав и свобод личности в жизнь [21, с.95].

При рассмотрении конституционно-правовых проблем академиком Сабикеновым большое внимание уделяется и вопросам совершенствования институтов отрасли конституционного права. Так, концептуально существенную нагрузку несет в себе рассмотрение исследователем проблем совершенствования конституционно-правовой модели института президентства и его влияния на формирование культуры демократии в Казахстане [22, с.80-84].

Детально рассматриваются С.Н. Сабикеновым и проблемы повышения роли Парламента Республики Казахстан, как высшего представительного органа государственной власти, выполняющего функцию обеспечения стабильности, как основной составляющей развития правового государства [24, с.32-38; 25, с.196-200]. Думается, исследователь глубоко прав, отмечая, что в условиях завершения переходного периода развития казахстанского общества центральная роль в становлении демократической политической культуры должна принадлежать Парламенту. При этом народные представительства в переходных режимах, по его авторитетному мнению, способны выступать в качестве *«школы демократии»* в двух смыслах.

Во-первых, они укрепляют способность всей политической системы находить демократические решения актуальных проблем и противостояния авторитарным тенденциям. Во-вторых, народные представительства образуют институциональную подсистему, требующую сохранения элементарных демократических правил игры, поскольку Парламент ближе, чем все другие политические институты к слиянию теории демократии и политической практики, т.к. именно на его плечах лежит основная задача оформления правовой легитимации проводимых в Казахстане поэтапных конституционно-правовых реформ [25, с.200].

Большое внимание в научном творчестве академика Сабикенова отводится и актуальным проблемам совершенствования деятельности Конституционного Совета Республики Казахстан, главное назначение которого исследователь видит в обеспечении органом конституционного контроля режима конституционной законности в обществе, защите и охране конституционных прав и свобод человека и гражданина. Так, по его мнению, такая функция, как официальное толкование Конституции, обусловлена самой юридической природой Конституционного Совета Республики, без которого фактически невозможен эффективный конституционный контроль за обеспечение прав и свобод человека и гражданина [26, с.191-195].

В целом научное творчество С.Н. Сабикенова, посвященное актуальным проблемам конституционно-правового развития Республики Казахстан, носит новаторский характер, как по охвату предмета политико-правовых исследований, так и по вхождению в глубину рассматриваемой им конституционно-правовой тематики, представляя несомненный интерес для научных и практических работников.

Для исследователя характерно неуёмное стремление к постановке новых актуальных проблем отрасли конституционного права, что делает его научные труды весьма интересными и плодотворными, вызывая одновременно творческие дискуссии среди конституционалистов, без которых невозможно развитие современной юриспруденции. И основная задача конституционно-правовой науки, как полагает ученый, состоит в умении предвидеть новые проблемы отрасли конституционного права, своевременно анализировать, объяснять и находить пути их полноценного решения.

Все это говорит об огромном личном вкладе академика Национальной академии наук Республики Казахстан Сабикенова Салахидена Нурсариевича в отечественную науку конституционного права, представляющего собой интенсивный импульс для новых научных исследований, т.к. современные конституционно-правовые процессы нуждаются в их фундаментальном научно-экспертном сопровождении, так свойственном для пытливого научного «сабикеновского пера».

В преддверии 80-летнего замечательного юбилея Салахидена Нурсариевича Сабикенова, желаем ему крепкого здоровья, долгих и полноценных лет жизни, семейного счастья, неистребимой жизненной энергии для новых творческих успехов на ниве юридической науки.

Список литературы:

1. Сабикенов С.Н. Изучение категории интереса в праве // Советское государство и право. – 1968. - №5.
2. Сабикенов С.Н. Сочетание общественных и личных интересов в советском праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М: Институт государства и права Академии наук СССР, 1969. – 16 с.
3. Салахиден Сабикенов: Материалы к библиографии ученых Казахстана /Сост. Е.Б. Абдрасулов, Р. Баймурзин, А.С. Сабикенова. – Алматы, 2009. – 108 с.
4. Сабикенов Сабикенов Нурсариевич // Видные ученые-юристы Казахстана XX- начала XXI веков. Энциклопедический справочник. В трех частях. Ч.1-3 (отдельными книгами). Часть 3. О-Я /Авторы: Ударцев С.Ф., Глепина Ш.В., Ким К.В., Алимжан К., Сырых В.М., Зинченко В.В., Даутбаева-Мухтарова А.Е. и др. – Астана: ТОО «Дэме»; ТОО «КазГЮУ Consulting», 2017. – С.49-52.
5. Сабикенов С.Н. Сочетание общественных и личных интересов в советском праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук // Сабикенов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикенова по общей теории права. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.5-19.
6. Сабикенов С.Н. Правовые проблемы обеспечения равенства национальных меньшинств в условиях казахстанского общества // Сабикенов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикенова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.5-11.
7. Сабикенов С.Н. Проблемы реализации идей Конституции Республики Казахстан о социальности государства // Сабикенов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикенова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.103-110.

-
8. Сабикиенов С.Н. Проблемы совершенствования конституционных норм // Сабикиенов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикиенова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.49-54.
 9. Сабикиенов С.Н. Проблемы сочетания стабильности и динамичности в совершенствовании конституционно-правовых норм: сравнительно-правовой анализ // Сабикиенов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикиенова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.85-90.
 10. Сабикиенов С.Н. Конституция Республики Казахстан как правовая основа совершенствования административного законодательства // Сабикиенов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикиенова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.111-174.
 11. Сабикиенов С.Н. Конституция Республики Казахстан и проблемы модернизации правосознания казахстанского общества в контексте программного письма Н.А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» // Сабикиенов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикиенова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.223-226.
 12. Сабикиенов С.Н. Конституция как Основной закон государства – гарантия обеспечения прав и свобод человека и гражданина // Труды академика Салахидена Сабикиенова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.55-67.
 13. Сабикиенов С.Н. Сущностная характеристика Конституции Республики Казахстан как Основного закона государства // Сабикиенов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикиенова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.183-190.
 14. Сабикиенов С.Н. Приоритетность прав и свобод человека, гражданина как важнейший принцип казахстанского конституционализма // Сабикиенов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикиенова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.39-48.
 15. Сабикиенов С.Н. Права человека: Учебное пособие. - Алматы, 1999. - 410 с.
 16. Сабикиенов С.Н. Проблемы совершенствования конституционных основ взаимоотношений государства и личности // Сабикиенов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикиенова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.175-182.
 17. Сабикиенов С.Н. Состояние соблюдения прав человека в Казахстане и проблемы разработки национального плана действия по правам человека на перспективу // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. Выпуск 3. – М., 2008. – С.3-7.
 18. Сабикиенов С.Н. Конституционные права и свободы граждан Республики Казахстан: состояние и проблемы // Сабикиенов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикиенова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.68-74.
 19. Сабикиенов С.Н. Общечеловеческая концепция прав человека как идейная основа международного сотрудничества государств в сфере защиты прав человека // Российский ежегодник международного права 2008 года. - Санкт-Петербург: Изд-во «Россия-Нева», 2009. - С.233-239.
 20. Сабикиенов С.Н. Формирование демократического общества в Казахстане // Сабикиенов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикиенова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.15-19.
-

21. Сабикинов С.Н. Проблемы формирования конституционных основ модернизации политической системы казахстанского общества // Сабикинов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикинова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.91-97.

22. Сабикинов С.Н. Институт президентства и его влияние на формирование культуры демократии в Республике Казахстан о социальности государства // Сабикинов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикинова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.80-84.

23. Сабикинов С.Н. Зарубежный опыт участия оппозиционных политических партий в парламентской деятельности // Сабикинов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикинова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.98-102.

24. Сабикинов С.Н. Роль института парламентаризма в демократизации и устойчивом развитии казахстанского общества // Сабикинов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикинова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.32-38.

25. Сабикинов С.Н. Проблемы повышения роли Парламента Республики Казахстан как высшего представительного органа власти государства // Сабикинов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикинова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.196-200.

26. Сабикинов С.Н. Деятельность Конституционного Совета обеспечению прав человека и гражданина // Сабикинов С.Н. Труды академика Салахидена Сабикинова по конституционному праву. – Алматы: Издательство «Жеті жарғы», 2019. - С.191-195.

Түйіндеме

Бұл мақалада академик Сабикиновтың ғылыми мұрасына арналған және атап айтқанда, Қазақстанның егеменді даму кезеңі, сонымен қоса басқа құқық салаларына, соның ішінде, ең алдымен конституциялық құқық ғылымына, оның дамуына үлкен үлес қосқан ғалымға қатысты. Сабикиновтың еңбектері мемлекеттің негізгі ретінде оның дамуының маңызды мазмұны мен бағыттарын айқындайтын азаматтық қоғамды қалыптастыру мәселелеріне ерекше назар аударылады. Салахиден Нурсариевичтың жоғарыда көтерген конституциялық-құқықтық проблемалары, қазіргі таңда Қазақстан Республикасының демократиялық құқықтық мемлекет ретінде қалыптасуы үшін маңызды концептуалды мәнге ие.

Summary

This article is devoted to the scientific heritage of Academician Sabikenov and applies to (particularly regarding to the period of the sovereignty of Kazakhstan) other branches of domestic law, including, first of all, the science of constitutional law to the development of which Mr. Sabikenov made his most significant contribution. Particular attention in the works of Sabikenov is also paid to the problems of the formation of civil society as the foundation of the state which determines the essential content and trends of its development. The constitutional and legal problems that Salakhiden Nursarievich raises, in modern conditions are of paramount conceptual importance for the formation of the Republic of Kazakhstan as a democratic state of law.

Әбділда Д.Ә.,
к.ю.н., доцент кафедры
конституционного, международного
права и дела
Евразийской юридической
академии им. Д.А. Кунаева
Жайлау Ж.,
к.ю.н., старший
преподаватель кафедры
международного права
КазНУ им. аль-Фараби

ПРОЦЕДУРЫ И ВИДЫ МЕХАНИЗМОВ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Порой государства не выполняют или недостаточно точно выполняют свои международные обязательства, что делает процедуру имплементации международного права не эффективным, а международно-правовое регулирование бессмысленным.

Ключевые слова: Имплементация, реализация, механизмы, международное право, внутригосударственное право, нормы права

В целях обеспечения выполнения государствами своих обязательств ими коллективно или единолично используются различные организационно-правовые средства, в целом образующие так называемый механизм имплементации норм международного права.

Начало научной разработки оптимальной модели механизма имплементации норм международного права на международном и национальном уровне вызвано, по меньшей мере, двумя фактами.

Во-первых, пониманием, что имплементация норм международного права отнюдь не сводится к правотворческой деятельности государства в лице его органов по восприятию норм международного права внутренним законодательством, но предполагает также проведение комплекса мер правоприменительного характера, обеспечивающих фактическую реализацию предписаний международно-правовых норм.

Во-вторых, имплементация норм международного права не ограничивается лишь внутригосударственной правотворческой либо правоприменительной деятельностью. С ростом роли и значения международных межправительственных организаций государства все чаще прибегают к использованию их в качестве органов имплементации многосторонних международных договоров.

Под механизмом имплементации норм международного права принято понимать определенную совокупность нормативных и институционных (организационно-правовых) средств, используемых субъектами международного права на международном и национальном уровнях, с целью реализации норм [1].

На практике взаимосвязь правового и организационного проявляется в том, что меры правового характера, предпринимаемые в целях имплементации международно-правовых норм на международном или национальном уровне, всегда

сопровождаются проведением комплекса мер организационно- исполнительного характера, осуществляемых международными или национальными органами в соответствии с правовыми предписаниями.

Механизм имплементации состоит не только из перенятия юридических процедур и институтов, а также действий и методов по их осуществлению, он включает социально-правовые явления, так как неизбежно ведет к ассимиляции в национальную систему определенных компонентов другой правовой культуры, правовых ценностей, специфичных для того или иного народа, для той или иной правовой системы. И если имплементируемая норма не соответствует внутригосударственным ценностям и взглядам, никакая ее трансформация и адаптация не смогут привести ее в действие, она будет отторгнута национальной правовой системой и не реализуется.

Имплементационные процедуры имеют три основных уровня: межгосударственный, международный и уровень связи правовых культур. Если на первом уровне имплементационные процедуры не носят системного характера и ограничиваются взаимодействием национальных законодательств в определенных отраслях, на втором уровне имплементационные процедуры носят однонаправленный характер, связаны с заимствованием и ассимиляцией принципов и норм международного права, то на третьем уровне имплементация носит самый глубокий, системный характер, является обоюдным процедуром.

Рассматривая влияние правового содержания норм международного права на процедура их реализации на внутригосударственном уровне, следует отметить, что по характеру нормативных предписаний и возможности их применения внутри государства в нем содержится два вида норм: самоисполнимые и применяемые только в совокупности с нормами национального права или при их помощи.

Национальный механизм имплементации норм международного права каждого конкретного государства обладает присущими только ему чертами, зависящими от особенностей внутренней правовой системы. Однако ряд признаков, прежде всего характеризующих его структуру, является общим для любого государства. Структура национального механизма имплементации включает в себя следующие элементы:

закрепленные в национальном правопорядке правовые средства обеспечения выполнения международных обязательств на внутригосударственном уровне;

система государственных органов, уполномоченных на реализацию международных обязательств;

национальная правоприменительная практика;

организационные средства, применяемые на внутригосударственном уровне для обеспечения имплементации международного гуманитарного права.

Национальная система нормативного обеспечения имплементации норм международного права составляет правовую основу осуществления международно-правовых предписаний на внутригосударственном уровне и включает в себя:

нормативные правовые акты общего характера (например, о соотношении международного и внутригосударственного права, о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров, об осуществлении правотворческой деятельности, компетенции государственных органов в области имплементации);

национальные правовые акты, принимаемые в целях обеспечения реализации международных обязательств по конкретным международным договорам (имплементационные правовые акты).

Правовое содержание этих средств зависит прежде всего от решения в национальном законодательстве вопроса о соотношении международного и внутригосударственного права.

Механизм имплементации на внутригосударственном уровне включает в себя и государственные органы, уполномоченные реализовывать обязательства, вытекающие из международного права. Государства, как правило, в законодательном порядке определяют систему специальных органов имплементации и в общих чертах регламентируют обязанности по имплементации всеми государственными органами, в компетенцию которых входят вопросы, регулируемые международными договорами. Обычно это органы государств, которые в пределах своей компетенции осуществляют внешние сношения, - главы государств, парламенты, правительства. Система органов, чьей функцией является имплементация, определяется конституцией государства, а также иными актами законодательства, регулирующими отношения по заключению, исполнению и денонсации международных договоров, по осуществлению правотворческой деятельности.

Важнейшими элементами национального имплементационного механизма являются организационные средства, применяемые на внутригосударственном уровне для обеспечения имплементации международного права. По своему содержанию они представляют собой не связанные с дополнительным внутригосударственным правотворчеством меры организационно-распорядительного характера, которые принимаются государственными органами, юридическими и физическими лицами государства-участника международного договора с целью выполнения его положений. Такие меры могут предусматриваться как самим международным договором, так и определяться на внутригосударственном уровне.

К числу этих мер могут относиться: проведение анализа национального законодательства с точки зрения его соответствия нормам международного права, организация различного рода совещаний, семинаров, распространение различными способами знаний о международном праве, информирование о ходе выполнения тех или иных положений международного права, совершение материально-технических действий и т.п. В ряде случаев в целях содействия процедуру имплементации норм международного права могут создаваться национальные межведомственные комиссии или другие органы по координации деятельности министерств и других республиканских органов государственного управления, предприятий, организаций и учреждений. Наличие внутригосударственного механизма имплементации норм международного права позволяет обеспечить полную, всестороннюю и своевременную реализацию принимаемых государствами международных обязательств.

Имплементационные механизмы, применяемые государствами, зависят от того, к приятию какой из теорий о соотношении международного и национального права предрасположено их право. Регламентация соотношения международного и национального права стала неотъемлемым элементом современного конституционного законодательства.

Если попытаться классифицировать имплементационные механизмы различных государств, то в зависимости от используемых критериев можно выделить следующие способы реализации норм международного права, базируясь на положениях конституций:

критерий признания монистического или дуалистического подхода к соотношению международного права и национального права. Абсолютное

большинство государств являются монистически ориентированными и признают за международной нормой либо статус, равный норме национального права, либо верховенство нормы международного права над законом. Дуалистически ориентированные государства (Англия, Канада, Швеция, Израиль, Финляндия) допускают возможность действия договора или обычая на территории соответствующих государств только после введения их в правовую систему соответствующим законом;

критерий применения норм международного права в зависимости от их юридической природы: договорные нормы и обычные нормы.

Исходя из указанного критерия можно выделить следующие категории имплементационных механизмов:

1) конституционные имплементационные механизмы, рассматривающие только международный договор как часть национального права или национальной правовой системы. Так, в Конституции США предусматривается, что Конституция и законы США, изданные во исполнение, равно как и все договоры, которые заключены или будут заключены, являются высшими законами страны, и суды каждого штата обязываются к их исполнению, даже если в конституциях и законах любого штата встречаются противоречивые положения (ст. 6). Аналогичные положения имеются в Конституциях Аргентины (ст. 31), Болгарии (ст. 5), Египта (ст. 151), Японии (ст. 98), Киргизии (ст. 12), Литвы (ст. 138), Нидерландов (ст. 93), Румынии (ст. 10), Швейцарии (ст. 113), Венесуэлы (ст. 128), Югославии (ст. 124). Следует отметить, что в конституционных имплементационных механизмах этой категории предусматриваются различные варианты определения статуса международного договора. В конституциях может закрепляться положение о том, что международные договоры или соглашения, должным образом ратифицированные, имеют силу, превышающую силу закона, с момента опубликования, при условии применения каждого соглашения или договора другой стороной. Подобные положения содержатся в Конституциях Франции (ст. 55), Мали (ст. 116), Того (ст. 23), Туниса (ст. 23), Буркина-Фасо (ст. 151), Гвинеи (ст. 79) [2,581-730].

В конституциях ряда государств провозглашается приоритет международных договоров только по конкретному объекту регулирования. Так, в Конституции Чешской Республики устанавливается, что ратифицированные и промульжированные международные соглашения относительно прав человека и фундаментальных свобод немедленно вступают в силу и имеют верховенство по отношению к закону (ст. 10). Аналогичные положения имеются в Конституциях Словакии (ст. 11), Испании (ст. 10);

2) конституционные имплементационные механизмы, признающие лишь за обычными нормами международного права возможность их применения в национально-правовой сфере. Так, статья 9 Конституции Австрии гласит: «Общепризнанные нормы международного права являются частью права». Конституция Эстонии устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются неотъемлемой частью эстонской правовой системы (ст. 3). Подобные положения включены в Конституции Венгрии (ст. 7), Ирландии (ст. 29), Сомали (ст. 19), Узбекистана (Преамбула). Конституция Германии не только провозглашает общепризнанные нормы международного права интегральной частью права, но и подчеркивает их приоритет над законами и прямое действие в отношении прав и обязанностей населения на территории (ст. 25);

3) конституционные имплементационные механизмы, признающие любые нормы международного права частью национальной правовой системы. Таковы положения Конституции Республики Казахстан, которые гласят, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Республики Казахстан являются составной частью ее правовой системы. Если международный договор устанавливает иные нормы, чем те, которые закреплены в законе, то применяются нормы международного договора» (ст. 15 ч. 1). Аналогичные положения имеются в Конституциях Греции (ст. 28), Молдавии (ст. 4, п.1 и 2), Южной Кореи (ст. 6, п. 1), Грузии (ст. 6 (2) [3].

Из анализа имплементационных конституционных механизмов можно сделать вывод о конкретных способах реализации норм международного права в национальном законодательстве, также отличающихся большим разнообразием. Для монистически ориентированных государств характерен такой способ, как отсылка, которая делится на 2 вида: генеральная, когда речь идет о статусе всех международных договоров (например, как в Конституции США) или обычных норм международного права (Конституция Австрии), и частичная, применяемая к конкретному закону, содержащему нормы, противоречащие конкретным положениям договора. Особо важная роль отсылки проявляется тогда, когда речь идет о признании верховенства норм международного права по отношению к национальному законодательству, особенно в случае коллизии между ними. Отсылка по своему характеру не изменяет природу нормы международного права, даже если конституция провозглашает ее статус, равный норме национального права (Конституции США, Республики Казахстан, Эстонии), а лишь санкционирует применение одной правовой системы в сфере действия другой правовой системы.

Наличие внутригосударственного механизма имплементации норм международного права позволяет обеспечить полную реализацию принимаемых государствами международных обязательств, т. е. позволяет обеспечить неукоснительное исполнение международных договоров, что, в свою очередь, способствует укреплению на международной арене его позитивного имиджа. В качестве примера такого государства можно привести Казахстан, поскольку республика, имея действенный внутригосударственный механизм имплементации норм международного права, обеспечивает качественную реализацию всех принятых на себя международно-правовых обязательств.

Список литературы:

1. «Классификация конституционных механизмов имплементации норм международного права во внутригосударственное право». Вестник КарГУ. 2009 г.
2. Имплементация норм международного права во внутригосударственное право / Л. В. Павлова, Ю. П. Бровка, М. Ф. Чудаков 2001-560с.
3. Конституции 16 стран мира Ж.Баишев, К.Шакиров. 1995-451с.

Түйіндеме

Берілген мақалада автор ұлттық құқықтық жүйедегі халықаралық құқықтық нормаларды имплементациялаудың процедуралары мен механизм түрлерін қарастырған. Зерттелу саласындағы шетелдік құқықтық жүйесіне салыстырмалы сараптама жүргізілді.

Summary

In this article, the author reviewed the procedures and types of mechanisms for the implementation of international law in the national legal system. Conducted a comparative legal analysis of foreign legal systems in the area under study.

УДК 343.6 (574)

**Куналиева Г.А.,
д.ю.н., профессор кафедры
«Таможенного, финансового
и экологического права»
Казахского национального
университета имени аль-Фараби
Рахимова Г.Н.,
старший преподаватель,
кафедры юриспруденции
института истории и
права КазНПУ имени Абая**

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КЛОНИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В статье дается анализ тенденций развития уголовного законодательства Казахстана в отношении клонирование человека. Анализируются различные взгляды ученых, а также приводится собственное мнение авторов на данную проблему.

Ключевые слова: клонирование человека, клон, клонирование, репродуктивное клонирование, терапевтическое клонирование, ответственность за клонирование человека.

Уголовный кодекс Республики Казахстан с момента принятия и введения в действие претерпел немало изменений и дополнений, которые существенным образом изменили уголовную политику нашего государства. В последние годы в уголовном праве наметился ряд тенденций, которые требуют своего осмысления, поскольку затрагивают права и интересы граждан в сфере борьбы с преступностью.

Оценивая осуществление правовой реформы, проводимой в сфере законодательной регламентации борьбы с преступностью, следует подчеркнуть принципиальное значение принятых в ходе ее новых законодательных актов – в числе которых и Уголовный Кодекс Республики Казахстан.

Он пришел на смену действовавшему ранее кодексу (Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16.07.1997 г.), который не только уже не соответствовал, но и во многом противоречил социально-политическим, экономическим и криминологическим реалиям, сложившимся в нашей республике в 90-е годы, и был призван обеспечить успешную деятельность правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

Столь крупное событие, как принятие в 2014 году 3 июля Уголовного кодекса Республики Казахстан, знаменует собой реализацию важнейшего этапа правовой реформы, проводимой в Республике Казахстан. В Уголовном кодексе должна быть реализована стратегия уголовно-правовой политики как составной части политики в сфере борьбы с преступностью.

Значительное влияние на нормотворческий процесс оказывают положения Конституции Республики Казахстан о защите прав и свобод человека и международные правовые акты. Однако общие позиции о приоритетах уголовно-правовой защиты интересов личности, общества и государства, их сбалансированности на уровне разработки конкретных институтов и норм уголовного законодательства могут существенно различаться, что в конечном счете и повлияло на формирование нового Уголовного кодекса и, несомненно, оказывает воздействие на подготовку изменений и дополнений к нему.

Противоречивость правовых взглядов касается таких узловых вопросов содержания уголовно-правовой политики, как криминализация и декриминализация деяний, оценка их наказуемости.

К сожалению динамика преступности в Республике Казахстан не уменьшается. Если обратиться к статистике уголовных правонарушений зарегистрированных по Республике Казахстан с 2007 по 2018 годы картина выглядит следующим образом: 2007 год - 130090, 2008 год - 127478, 2009 год - 121667, 2010 год - 131896, 2011 год - 206801, 2012 год - 287681, 2013 год - 359844, 2014 год - 341291, 2015 год - 386714, 2016 год - 361689, 2017 год - 316418, 2018 год - 292286.

Из них небольшой тяжести: 2007 год - 17172, 2008 год - 15419, 2009 год - 16557, 2010 год - 15969, 2011 год - 17620, 2012 год - 25460, 2013 год - 43990, 2014 год - 39608, 2015 год - 65771, 2016 год - 47729, 2017 год - 39571, 2018 год - 35532. Средней тяжести: 2007 год - 83016, 2008 год - 80791, 2009 год - 75906, 2010 год - 90189, 2011 год - 156002, 2012 год - 228444, 2013 год - 279389, 2014 год - 271592, 2015 год - 249822, 2016 год - 246396, 2017 год - 219772, 2018 год - 206309. Тяжкие преступления: 2007 год - 26618, 2008 год - 28052, 2009 год - 25902, 2010 год - 22784, 2011 год - 29657, 2012 год - 30696, 2013 год - 33836, 2014 год - 279418, 2015 год - 28741, 2016 год - 28116, 2017 год - 24278, 2018 год - 19462. Особо тяжкие преступления: 2007 год - 3284, 2008 год - 3216, 2009 год - 3302, 2010 год - 2954, 2011 год - 3522, 2012 год - 3081, 2013 год - 2629, 2014 год - 2150, 2015 год - 2165, 2016 год - 1944, 2017 год - 2134, 2018 год - 1835 [1].

Делая анализ данной статистики можно сказать, что в Республике Казахстан в основном совершаются преступления средней тяжести.

По городу Алматы статистика уголовных правонарушений с 2007 по 2018 годы следующая: 2007 год - 15244, 2008 год - 14830, 2009 год - 12694, 2010 год - 19002, 2011 год - 29695, 2012 год - 52022, 2013 год - 55482, 2014 год - 61391, 2015 год - 73506, 2016 год - 68704, 2017 год - 63797, 2018 год - 62646 [1].

Новеллой Уголовного кодекса Республики Казахстан который был принят 3 июля 2014 года является включение в Главу 1. Уголовные правонарушения против личности статьи 129. Клонирование человека. Данный состав преступления абсолютно новый для нашего уголовного законодательства. Давайте рассмотрим юридическую природу данной статьи.

"1. Клонирование человека или использование человеческого эмбриона в коммерческих, военных или промышленных целях, а равно вывоз половых клеток или человеческого эмбриона из Республики Казахстан в этих же целях –

наказываются лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет или без такового.

2. Те же деяния, совершенные:

1) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору;
2) неоднократно, – наказываются лишением свободы на срок от четырех до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные преступной группой, – наказываются лишением свободы на срок от семи до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет" [2].

Криминализация клонирования человека вызывает необходимость разрешения целого ряда правовых вопросов, связанных с уголовно-правовой оценкой данного состава преступления. В первую очередь, необходимо определить его место в правонарушениях против личности, затем сделать попытку определения в системе Особенной части Уголовного кодекса Республики Казахстан. Состав клонирования человека расположен между группами преступлений против личной свободы и уголовных правонарушений против чести и достоинства.

В настоящее время в мире активно развернулся процесс криминализации клонирования человека. В законодательстве зарубежных стран например, в Уголовном кодексе Республики Молдова указанное преступление отнесено к группе преступлений против мира и безопасности человечества, в Уголовном кодексе Франции клонирования человека отнесено к преступным деяниям в области биомедицинской этики, а по Уголовному кодексу Российской Федерации клонирования человека как отдельная статья не предусмотрена, но есть Федеральный закон от 20 мая 2002 года. № 54-ФЗ. "О временном запрете на клонирование человека". Кроме того, клонирование человека как отдельный состав преступления включен в новые уголовные кодексы Испании 1995 году, Сальвадора 1997 году, Колумбии 2000 году Эстонии 2001 году, Мексики (федеральный округ) 2002 году Румынии 2004 году, Словении 2002 году, Словакии 2003 году. В некоторых странах например в Бразилии, Германии, Великобритании, Японии уголовная ответственность за клонирование установлена специальными законами.

Единственный международный акт, устанавливающий запрет клонирования человека, — Дополнительный Протокол к Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ, который подписали 12 января 1998 году 24 страны из 43 стран-членов Совета Европы (сама Конвенция принята Комитетом министров Совета Европы 4 апреля 1997 году).

19 февраля 2005 году Организация Объединённых Наций призвала страны-члены ООН принять законодательные акты, запрещающие все формы клонирования, так как они "противоречат достоинству человека" и выступают против "защиты человеческой жизни". Декларация ООН о клонировании человека, принятая резолюцией 59/280 Генеральной Ассамблеи от 8 марта 2005 года содержит призыв к государствам-членам запретить все формы клонирования людей в такой мере, в какой они несовместимы с человеческим достоинством и защитой человеческой жизни.

Развитие современной науки позволило раздвинуть занавес генетики, осуществить деление молекулы на атомы, открытие клеточного строения ткани, хромосом, ДНК, генов и привело к генной инженерии. Вторгаясь в особые условия развития ядра клетки, специалисты могут заставить развиваться клетку в нужную ткань или даже целый организм. Размножение не половым путём, а путём деления клетки привело к появлению термина клон и клонирование.

Клонирование от английского "cloning" означает "веточка, побег, отпрыск". В общем значении точное воспроизведение какого-либо объекта. Объекты, полученные в результате клонирования, называются клонами.

Клонирование человека - прогнозируемая методология, заключающаяся в создании эмбриона и последующем выращивании из эмбриона людей, имеющих генотип того или иного индивида, ныне существующего или ранее существовавшего.

Термины клон, клонирование первоначально использовались в микробиологии и селекции, после в генетике, в связи с успехами которой и вошли в общее употребление. На 2016 год нет документально подтверждённых свидетельств того, что кому-то удалось создать клон человека [3, с.17].

Клон - это обычное человеческое существо, которое является идентичным близнецом другого человека, отсроченным во времени. Клона вынашивает обычная женщина в течение девяти месяцев. Клон не наследует ничего из воспоминаний оригинального индивида. Это не "ксерокопия" человека, а близнец, который, как и 150 млн. идентичных близнецов, существующих на сегодняшний день в мире, может иметь лишь 70% корреляции (сходства) в интеллекте и 50% в чертах характера. Таким образом, клон очень похож, но не точная копия оригинала [4, с.130].

Упрощенно процесс клонирования можно представить в следующем виде: из клетки любой части человеческого организма (соматической, т.е. неполовой) удаляют ядро. Одновременно ядро удаляется и из женской половой клетки (яйцеклетки). Затем ядро соматической клетки вводится в оболочку яйцеклетки. Яйцеклетка с новым ядром подвергается воздействию электрического тока, что стимулирует деление. Таким образом появляется эмбрион [5, с.10].

Подходы к клонированию человека бывают двух видов: репродуктивное и терапевтическое.

Репродуктивное клонирование - это создание человека, генетически идентичного другому живому или умершему человеку, путем переноса в лишенную ядра женскую половую клетку ядра соматической клетки [6]. В этих целях клонированный эмбрион имплантируется в матку женщины.

Репродуктивное клонирование человека — предполагает, что индивид, родившийся в результате клонирования, получает имя, гражданские права, образование, воспитание, словом — ведёт такую же жизнь, как и все "обычные" люди. Репродуктивное клонирование встречается со множеством этических, религиозных, юридических проблем, которые сегодня ещё не имеют очевидного решения. В некоторых государствах работы по репродуктивному клонированию запрещены на законодательном уровне [7].

Терапевтическое клонирование - это производство человеческих эмбрионов для извлечения из них стволовых клеток. Стволовые клетки являются краеугольным камнем клеточного строительства. Из них можно получить любые ткани и органы, которые при пересадке донору не будут отторгаться организмом. Их можно использовать для лечения ранее считавшихся неизлечимыми болезней, например, диабета, болезни Паркинсона. Стволовые клетки можно извлекать и из взрослых

людей, но поношенный генетический материал, по мнению ученых, не так хорош, как эмбриональный [8].

Таким образом, при терапевтическом клонировании человеческие зародыши не имплантируются женщине, а выращиваются лишь до определенной стадии, и после извлечения стволовых клеток, погибают. Терапевтическое клонирование человека — предполагает, что развитие эмбриона останавливается в течение 14 дней, а сам эмбрион используется как продукт для получения стволовых клеток. Законодатели многих стран опасаются, что легализация терапевтического клонирования приведёт к его переходу в репродуктивное. Однако в некоторых странах (США, Великобритания) терапевтическое клонирование разрешено [7].

Объектом уголовного правонарушения здесь можно назвать права личности на человеческое достоинство и целостность личности. В преамбуле Дополнительного протокола отмечается, "инструментализация человеческих существ путем намеренного создания генетически идентичных человеческих существ несовместима с достоинством человека и, таким образом представляет собой злоупотребление биологией и медициной", клонирование человека способно породить для всех вовлечённых в этот процесс индивидов серьезные трудности медицинского, психологического и социального порядка". Статья 1 Дополнительного протокола гласит: "Любое вмешательство с целью создания человека, генетически идентичного другому человеку, будь то живому или мёртвому, запрещается". Разъясняется также термин "Человек генетически идентичный другому" он обозначает "человека, имеющего одинаковый с другим человеком набор нуклеарных генов".

В резолюции Европейского парламента "О клонировании человека" от 15 января 1998 года сделана попытка определить клонирование, как "создание эмбриона человека, имеющего те же генетические черты, что и другое человеческое существо, будь то мертвое или живое, на любом уровне его развития с момента зачатия, без какого-либо различия в отношении используемых методов".

Под эмбрионом понимается ранняя стадия развития организма. Развивается эмбрион из оплодотворённой сперматозоидом яйцеклетки и носит в себе генетическую информацию матери и отца. Начало всем органам и тканям человеческого тела дают стволовые клетки. Уже из стволовых клеток в последующем формируются половые клетки.

Уголовный закон Республики Казахстан запрещает вывоз из страны половых клеток и человеческого эмбриона в коммерческих, военных или промышленных целях. Однако в основу клонирования живого организма человека или животного берется стволовая клетка. Именно стволовая клетка имеет возможность превращаться в определенную клетку человеческого организма (клетку печени, клетку кровеносных сосудов, мышцы сердца) и участвует в восстановлении повреждённой ткани и используется в восстановительной терапии.

В этой связи под законодательный запрет вывоза из Республики Казахстан в коммерческих, военных или промышленных целях должна быть видимо определена стволовая клетка, а не половая, как закреплено в статье 129 Уголовного кодекса Республики Казахстан. Собственные половые клетки содержащиеся в женской яйцеклетке и мужских сперматозоидах человека не должны рассматриваться как объекты клонирования, поскольку этими организмами каждый индивид может распоряжаться самостоятельно, как к примеру донор. Использование донорской крови в медицине, мужских и женских начал доноров при экстракорпоральном

оплодотворении при проблемах репродукции уже давно известны и успешно используется в практике, а донорство во всём мире признается благородной миссией человека и приветствуется [9].

В качестве объектов преступного посягательства могут выступать также жизнь, здоровье, личная свобода человека в существующем в настоящее время понимании. Вместе с тем, на наш взгляд, клонирование человека ставит в опасность права не отдельного человека, а многих людей (например, при клонировании человека с непредсказуемыми последствиями, как для самого клонированного существа, так и для будущих поколений людей).

Объективная сторона преступления выражается в клонировании человека или использовании человеческого эмбриона, а равно вывозе половых клеток или человеческого эмбриона из Республики Казахстан в определенных законом целях. Состав преступления формальный, т.е. считается оконченным с момента совершения действий, вне зависимости от его последствий.

С субъективной стороны клонирование человека должно совершаться в коммерческих, военных или промышленных целях и характеризуется прямым умыслом.

Рассматриваемое преступление предполагает также определенного субъекта биомедицинской деятельности, характеризующегося не просто наличием у него соответствующего медицинского или биологического образования, а высоким уровнем квалификации в соответствующей области научных знаний.

Следует иметь в виду, что, устанавливая ответственность за преступления против личности, законодатель ставит задачу совершенствования дифференциации ответственности и наказания за различные деяния с учетом их тяжести, общественно опасных последствий. Вместе с тем, в действующем уголовном законодательстве отдельные группы не всегда обособлены, что затрудняет определение места конкретного состава в системе уголовных правонарушений против личности. В частности, уголовные правонарушения против здоровья четко не отделены от уголовных правонарушений, ставящих в опасность жизнь и здоровье личности.

Таким образом, анализ признаков состава преступления показывает, что законодателем были учтены не все принципы криминализации деяний (достаточно широкая распространенность, ожидаемые положительные последствия криминализации должны превышать ее отрицательные последствия, криминализация деяния не должна противоречить нормам нравственности и др.). В сложившейся ситуации большое значение приобретают исследования места и роли уголовного права в вопросах регулирования отношений, возникающих в связи с последними достижениями в области биологии и медицины.

На практике Казахстана совершение данного состав преступления отсутствует.

Мы согласны с авторами которые предлагают данный состав преступления закрепить в главе 4 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

"Проанализировав законодательства зарубежных стран, мы полагаем, что клонирование человека должно быть закреплено в главе 4 Уголовного кодекса Республики Казахстан "Преступлениях против мира и безопасности человечества". В данном посягательстве достоинство человека надо понимать не как право отдельного конкретного индивида, а как социальную ценность, т.е. клонирование, посягает не на достоинство определенного лица, а на достоинство человека вообще как представителя человеческого рода"[10].

Клонирование, как и вся генная инженерия в целом, - это попытка решить проблемы, зачастую игнорируя их коренные причины. Полагаем, что ни в коем случае недопустимо попираание святости и неприкосновенности человеческой жизни начиная с первого же момента ее существования, т. е. с момента оплодотворения. Именно тогда начинается единственная, неповторимая и вполне человеческая личность. Еще древние (Тертуллиан) говорили: "Уже является человеком тот, кто им станет" [11, с. 200].

Возможность клонирования человека общественным мнением воспринимается неоднозначно, существуют обоснованные мнения "за" и "против". Примечательно, что вновь столкнулись позиции научных кругов и духовенства, выражающих полярные точки зрения в этом вопросе. При этом большинство ученых достаточно сдержанно относятся к возможности клонирования человека, значительно количество и противников этого среди них. Религиозные деятели в подавляющем большинстве категорически против проведения экспериментов такого рода, хотя представители некоторых экстравагантных культов поддерживают идею клонирования людей [12, с.201].

Проблема клонирования человека – проблема этическая в первую очередь. Человек вторгается в сферу бытия, за которую не ответственен в силу своей природы, что влечет непредсказуемость последствий таких шагов. Не случайно, представители основных религиозных течений в современном мире – христиане, иудеи и мусульмане, проявляют редкое единодушие в резко отрицательном отношении к клонированию человека.

С юридической точки зрения, клонирование человека вступает в противоречие с рядом важнейших прав личности, с правом на человеческое достоинство и проистекающем из него правом на целостность личности. Не нужно даже говорить о тех правовых проблемах, к которым приведет появление клона человека. Первой же проблемой станет вопрос о том, будет ли клон человека субъектом права, и если да, то будет ли его правосубъектность совпадать с правосубъектностью оригинала. Колоссальной юридической головоломкой станет урегулирование отношений между оригинальной личностью и его клоном, хотя бы в том, что касается идентификации личности (кто есть кто), правопреемства, семейных отношений и т.п.

Какое может быть оправдание репродукции человека посредством создания человеческого клона? Только достижение самых высоких этических целей может быть основанием для таких действий и только в том случае, если иным путём их достигнуть невозможно. Никакой ординарной необходимости в достижении таких целей этим путём сегодня не существует, поэтому разрешение на клонирование человека может быть только экстраординарным, в качестве исключения из правила. Общим правилом должен быть запрет клонирования человеческого существа.

По мнению многих, исследования в области стволовых клеток и является тем самым экстраординарным случаем, когда клонирование человека может быть разрешено, т.к. они могут помочь сохранить жизнь сотням и тысячам естественнорожденных. Однако, как правило, законодатель игнорирует это мнение и чаще всего использует только один регулятор для упорядочения этих отношений – запрет.

Хотя и очень медленно, запрет клонирования человека получает всё большее распространение в различных странах мира и на международном уровне. Сегодня этой проблемой обеспокоены почему-то только развитые страны, хотя проблема клонирования – проблема не только развитого мира. Клон человека – это не атомная

бомба, лаборатории, в которых он может быть произведён, мобильны, а информация об этом относительно открыта. Клонирование человека может быть осуществлено при соответствующем техническом обеспечении в любой из развивающихся стран. Но, как правило, правовое регулирование этой сферы в развивающихся странах отсутствует.

Список литературы:

1. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан //pravstat.prokuror.kz, 2019
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан. Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года №226-V ЗРК //adilet.zan.kz/rus, 2019
3. Митио Каку. 3. Будущее медицины // Физика будущего = Physics of the Future / пер. с англ. Н. Лисовой, под ред. М. Миловидовой. - 4-е изд. - М.: Альпина нон-фикшн, 2016. - 584 с.
4. Рюмин И. Клон в законе //Смена. - 2001. - № 10. - С.130-131.
5. Эйнсуорт К., Анастасвами А., Коэн Ф., Конкер Д., Грэхем-Роу Д., ЛеПэйдж М., Сэмил И. Не сегодня, так завтра // Ломоносов. - 2003. - № 2/8. - С. 67-97
6. Федеральный закон о временном запрете на клонирование человека № 54-ФЗ //http://www.Akdi.ru/gd/proekt/088015gd.shtm.,2019
7. Клонирование человека - Википедия //https://ru.wikipedia.org/wiki, 2019
8. Конгресс США запретил клонирование людей //http://www.korrespondent.net/main/25080/,2019
9. Клонирование человека в правовом поле уголовного закона //www.kazpravda.kz,2019
10. Совершенствование законодательства РК об ответственности за уголовные правонарушения против чести и достоинства личности //www.konspekt.biz/index, 2019
11. Большая книга афоризмов. М., 2000. - С. 303.
12. О палитре общественного мнения по отношению к клонированию человека см.: Короп Е. Уклонисты. Правительство запретило размножать людей. //Известия от 14 мая 2002 г. В конце декабря 2002 г. секта т.н. разлитов распространила заявление о том, что ими был проведен первый удачный опыт по клонированию человека, однако эти сведения пока не имеет реального подтверждения.

Түйіндеме

Мақалада адамды клондау мәселесіне байланысты Қазақстандағы қылмыстық заңнаманың дамуы талданады. Ғалымдардың пікірлері сараланып, авторлардың жеке пікірлері алға тартылады.

Summary

In article the analysis of tendencies of development of the criminal legislation of Kazakhstan in the relation cloning of the person is given. Different views of scientists are analyzed, and also own opinion of authors on this problem is given.

Қалдарбекұлы Ө.,
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
факультета права и экономики,
Жетысуский государственный университет
имени И. Жансугурова

ВОПРОСЫ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ПРАВОВОГО СУБИНСТИТУТА «ИЗЪЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА У СОБСТВЕННИКА И ПРАВА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ У ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАТЕЛЯ»

В данной статье изучено понятие и содержание правового субинститута «Изъятие земельного участка у собственника и права землепользования у землепользователя». Автором на основе теоретического анализа различных научных точек зрения, действующего законодательства РК сделаны конкретные предложения по уточнению и дополнению понятийного аппарата правового субинститута «Изъятие земельного участка у собственника и права землепользования у землепользователя»

Ключевые слова: изъятие земли, собственник земельного участка, землепользователь, правовой институт, правовой субинститут, социально значимые цели.

Уже сложившийся, по нашему мнению, в земельном законодательстве Казахстана правовой субинститут «Изъятие земельного участка у собственника и права землепользования у землепользователя» в настоящее время как никогда актуален. Об этом говорится в Послании Президента Республики Казахстан К.К. Токаева, «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана». Президент отдельно остановился на волнующем общество земельном вопросе и отметил, что «вопрос неэффективного использования земельных ресурсов становится все более актуальным». Он указал на сложившийся «целый слой так называемых «латифундистов», получивших право земельной аренды бесплатно и не использующих землю, хотя при этом возникла проблема «нехватки у фермеров земли для выращивания кормовых культур». «Пора приступить к изъятию неиспользуемых сельхозземель, - указал Президент, - «Земля – наше общее богатство и должна принадлежать тем, кто на ней работает» [1].

Также Президент дал поручение Правительству и Парламенту разработать и «предложить соответствующие механизмы» [1].

Такое поручение предполагает разработку новых норм земельного права и совершенствование уже существующих. И в этом случае важным является сочетание теоретических и практических аспектов этой проблемы. Так, в практике судебных и иных государственных органов «наболевшим» вопросом стало установление единого понимания некоторых терминов. Например, в Казахстане отсутствует единообразное понимание такого термина, как «освоение земельного участка». В одном регионе незастроенный земельный участок под застройку даже при наличии у собственника утвержденного эскизного проекта, иных разрешительных документов, считается «неосвоенным» и ставится на изъятие, а в другом – этого достаточно, чтобы отказать в удовлетворении иска соответствующего органа об изъятии земельного участка.

Вместе с тем разработка нового или уточнение существующего юридического определения – прерогатива теории права. В науках земельного и гражданского права дискуссионными остаются вопросы определения понятий «изъятие земельного участка для государственных или общественных нужд», «государственные нужды», «общественные нужды», «выкуп земельного участка» и т.д. Причем дискуссия началась еще в советское время. Уже тогда поднимались вопросы возмещения изъятия земель [2], убытков землепользователям и потерь сельхозпроизводства при изъятии земель [3], гражданско-правовых последствий данного процесса [4].

Изъятие земельных участков и права землепользования стали предметом дискуссий на всем постсоветском пространстве. Так, проблемами изъятия земельного участка занимались такие ученые Казахстана, как Л.К. Еркинбаева [5], В.П. Борисов [6], А.С. Дощанова [7], Е.К. Серекбаев [8] и другие. Соответственно в каждой из этих работ поднималась дискуссия по поводу тех или иных понятий, и были сформулированы их определения.

Определенную сложность составляет выработка нормативно-правовых определений. В классификации дефиниций (определений), разработанной российским ученым С.Н. Болдыревым, «нормативно-правовые (легальные) дефиниции» занимают особое место среди доктринальных, обыденных и практических, так как они «устанавливаются или закрепляются нормативным правовым актом» [9, с.317-319], являются менее изменчивыми, потому что закреплены в нормативных актах. «Именно поэтому легальные дефиниции являются основой правового регулирования» [9, с.318]. С.Н. Болдырев акцентирует внимание на главной задаче юристов – составлении точных терминов, при этом приводя слова великого русского ученого М.В. Ломоносова: «ибо употребление слов неограниченных и сомнительных и двузнаменательных приводит к великим беспорядкам и отдаляет от правды к заблуждению и ябедам» [10, с. 149].

Наиболее вызывающим дискуссию, как в Казахстане, так и других странах СНГ, понятием, требующим четкого определения, является понятие «изъятие земельного участка для государственных или общественных нужд». Периодически в законодательстве использовались словосочетания «изъятие земельного участка для государственных нужд» или «изъятие земельного участка для общественных нужд», таким образом происходило отождествление этих понятий.

Ученые давно пришли к заключению, что на практике государственные органы «определяют государственные и муниципальные нужды по собственному субъективному усмотрению, относя к ним «реконструкцию города», «комплексную реконструкцию», «застройку муниципального образования» и т. п.» [11, с.207; 12, с.66]. Вследствие этого узковедомственные или бюрократические интересы начинают подменять понятие «общественные нужды», хотя изначальный смысл заключался в том, что прекращение права частной собственности субъекта оправдывается публичными интересами, причем интересами не самого государства, а общественными интересами, то есть государство идет на такие действия в интересах общества. Как указывают российские ученые, «используемое ранее понятие «общественная польза» вообще исчезло из законодательства, хотя именно оно было положено в основу данного института» [13, с.213].

Считаем, что понятия «общественный» и «публичный» должны закладываться в понятие «изъятие для государственных нужд». Это подтверждается практикой зарубежного конституционно-правового регулирования. «В европейских конституциях изъятия такого рода связаны с обществом и его потребностями, но не с

государством. Их диапазон достаточно широк: от общего блага до общественных нужд, но все они ориентированы на общество, а не на государство» [14, с.46]. Социум и его интересы должны ставиться «во главу угла» и рассматриваемую процедуру изъятия нужно обозначить более четко – «изъятие для социально значимых целей», а также указать на то, что конечная цель – это достижение общественных благ.

Для выработки определения «изъятия земельного участка для социально значимых целей» за основу можно взять уже закрепленное в п.1-1 ст.12 Земельного кодекса РК определение изъятия и дополнить его еще одним условием, гарантирующим частным собственникам и землепользователям равноценное возмещение затрат на приобретение земельного участка или платного права землепользования.

В Земельном кодексе РК часто встречается такой термин как «выкуп земельного участка». При этом четкое определение отсутствует. Данный вопрос прорабатывался некоторыми авторами, например, Е.К. Серекбаевым. Так, по его мнению, «нужно разграничивать понятие «изъятие» и «выкуп», так как у них различная правовая природа, регулирование осуществляется в первом случае нормами публичного права, во втором — частного права, с использованием противоположных методов» [8, с.30], с чем мы согласны. Некоторые авторы (Умирзаков) предлагают «заменить понятие «изъятие» словом «выкуп», так как сейчас, как на праве собственности, так и на праве землепользования, земельный участок будет продан и обращен для государственных нужд с возмещением убытков, причиненных собственнику и землепользователю» [15, с.8]. Здесь мы не согласны, и аргументом является тезис, предложенный вышестоящим автором.

При выработке термина «выкуп земельного участка для социально значимых целей» следует учесть основные положения, касающиеся купли-продажи, закрепленные в Гражданском кодексе РК, но применительно к земельным отношениям и с учетом ситуации – т.е. выкуп, сопряженный с изъятием земельного участка или права землепользования, и с определением сторон данной сделки.

Как уже было отмечено выше, одним из спорных понятий, порождающих отсутствие единообразия в судебной практике и практике иных государственных органов, является понятие «освоение земельного участка».

Данный вопрос более подробно стал предметом другого нашего исследования. Но считаем нужным вкратце осветить основные составляющие определения «освоение земельного участка».

Прежде всего, это совокупность каких-либо действий, мероприятий, подготавливающих земельный участок к его непосредственному использованию по целевому назначению. Таким образом, мы делаем разграничение между понятиями «освоение земельного участка» и «использование земельного участка». Также считаем, что стоимость земельного участка при производстве этих действий увеличивается за счет вложения денежных средств или физического приложения труда. Если земли подготавливают для сельскохозяйственных целей, например, земледелия, то производят вспашку земель, внесение минеральных удобрений, чернозема, навоза и т.д. При подготовке земельного участка к строительству, истребуется необходимая разрешительная документация, закладывается фундамент и т.п.

Еще одним понятием, требующим более четкого определения, является понятие «документ на земельный участок».

В п.24 Земельного кодекса РК дается определение понятия «правоустанавливающий документ на земельный участок», но нечеткое, размытое. Исходя из смысла этого определения, получается, что к правоустанавливающим документам относятся и те, которые не устанавливают какие-либо права, а наоборот изменяют или прекращают их. Также используется неудачный прием – перечисление ряда документов. А согласно пункту 3.13 Рекомендаций по основным принципам и методам стандартизации терминологии, принятыми Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации (протокол № 10 от 4 октября 1996 года), «определение понятия должно быть оптимально кратким и состоять из одного предложения. Оптимальная краткость определения возможна при отсутствии избыточной информации: недопустимы выражения в скобках, перечисления понятия, относящиеся к определяемому понятию, сокращения типа «и т.п.», «и т.д.», «и пр.» [16]. Считаем нужным не только оптимизировать определение «правоустанавливающий документ на земельный участок», но и выделить еще два новых – «правоизменяющий документ на земельный участок» и «правопрекращающий документ на земельный участок».

Вывод: предлагается дополнить понятийный аппарат правового субинститута «Изъятие земельного участка у собственника и права землепользования у землепользователя» следующими определениями и в дальнейшем закрепить их в законодательстве:

в статью 12 Земельного кодекса РК внести соответствующие изменения и дополнения:

- дополнить статью 12 п.1-2:

«1-2) изъятие земельного участка для социально значимых целей – действия государственных органов, направленные на прекращение у частного собственника права собственности на земельный участок или у землепользователя права землепользования (при условии равноценного их возмещения) для удовлетворения государственных интересов, вытекающих из функций государства и преследующих социально значимые цели;»;

- п.24 изложить в следующей редакции:

«24) правоустанавливающий документ на земельный участок – документ, подтверждающий наступление юридических фактов, на основании которых возникает право на земельный участок;»;

- дополнить статью 12 Земельного кодекса РК пунктами:

«22-1) выкуп земельного участка для социально значимых целей – действия государственных органов, направленные на передачу равноценного возмещения стоимости земельного участка частному собственнику или права землепользования землепользователю и причиненных им убытков, в связи с изъятием земельного участка в состав государственного имущества;».

«24-1) правоизменяющий документ на земельный участок – документ, подтверждающий наступление юридических фактов, на основании которых изменяется право на земельный участок;»;

«24-2) правопрекращающий документ на земельный участок – документ, подтверждающий наступление юридических фактов, на основании которых прекращается право на земельный участок;»;

Дополнить статью 12 новым определением:

«Освоение земельного участка – это совокупность мероприятий по его подготовке к последующему использованию по целевому назначению, повышающих его стоимость».

Также для установления единообразия в терминологии предлагается внести изменения в п.16 статьи 1 Закона РК «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество» от 26 июля 2007 года и изложить его в следующей редакции:

«16) правоустанавливающие (правоизменяющие, правопрекращающие) документы - документы, на основании которых возникают (изменяются, прекращаются) права (обременения прав) на недвижимое имущество;».

Список литературы:

1. Послание Президента Республики Казахстан К.К. Токаева, «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана» / <http://www.akorda.kz>
2. Рябов А.А. Правовое регулирование предоставления и изъятия земель для государственных или общественных нужд: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1971. - 19 с.
3. Лопатина М.Н. Правовое регулирование возмещения убытков землепользователям и потерь сельскохозяйственного производства при изъятии земель для государственных или общественных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1980. - 184 с.
4. Петухов Н.М. Гражданско-правовые последствия изъятия земельных участков для государственных и общественных нужд из земель городов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Алма-Ата, 1973. - 21 с.
5. Еркинбаева Л.К., Қалдарбекұлы Ө. Актуальные проблемы принудительного изъятия земельного участка для государственных нужд в Республике Казахстан и зарубежных странах // Қазақстанның ғылымы мен өмірі – Науқа и жизнь Казахстана. - 2018. - № 2. - С. 37-42.
6. Борисов В.П. Совершенствование правового регулирования изъятия (выкупа) земельных участков у собственников для государственных надобностей // Гражданское законодательство. – Алматы: Юрист, – Вып. 26. – С. 224-244.
7. Дошанова А.С. Некоторые вопросы судебной реализации права на равноценное возмещение при принудительном отчуждении земельных участков для государственных нужд // Вестник КазНУ. Серия юридическая. 2014. №
8. Серекбаев Е.К. Правовое регулирование изъятия земли в Республике Казахстан: автореф. дис... канд. юрид.наук. – Алматы: Эрекет Принт, 2010. - 24 с.
9. Болдырев С.Н. Юридическая техника: теоретико-правовой анализ: дисс. докт. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2014. 468 с.
10. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М., 1957. Т. 10.
11. Гринь Е.А. Некоторые вопросы правового регулирования изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 7. С.205–216.
12. Вакула А.И., Парковская М.И. Изъятие земельного участка для государственных и муниципальных нужд: некоторые недостатки гражданского, земельного и иного законодательства // Юрист-Правоведь, 2016, № 6 (79). С.63-67.
13. Галактионова Л.В. Принудительное отчуждение земель для нужд железнодорожного транспорта // Российский юридический журнал. 5/2008 210-214.

14. Странцова С.А. Проблема определения понятия государственных и муниципальных нужд как основания для изъятия земельного участка со сносом жилых помещений // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 3 (20). С. 45-48.

15. Умирзаков П.К. Қазақстан Республикасында жерді мемлекет мұқтаждары үшін алып қоюды (сатып алуды) құқықтық реттеу. Заң ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертацияның авторефераты. Алматы. 2008.24 б.

16. Рекомендации по основным принципам и методам стандартизации терминологии: приняты Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации (протокол № 10 от 4 октября 1996 года)

Түйіндеме

Бұл мақалада «Жерді меншік иесінен және жер пайдаланушыдан пайдалану құқығын алып қою» құқықтық қосалқы институттың тұжырымдамалық аппараттарының сұрақтары зерттелген. Әр түрлі ғылыми көзқарастарға, Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамасына теориялық талдау негізінде жұмыстың авторы «Жерді меншік иесінен және пайдаланушыдан пайдалану құқығын алып қою» құқықтық қосалқы институттың тұжырымдамалық аппараттарын толықтыру жөнінде нақты ұсыныстар әзірлеген.

Summary

This article explores the concept and content of a legal sub-institute "Withdrawal of the land from the owner and land use rights from the land user." Based on a theoretical analysis of various scientific points of view, the current legislation of the Republic of Kazakhstan, the author made concrete proposals to clarify and supplement the conceptual apparatus of the legal sub-institute "Land acquisition from the owner and land use rights from the land user"

УДК 347.61.64(574)

**Абенова Г.А.,
докторант
Инновационный Евразийский
университет**

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ И ДЕТСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

В данной статье рассмотрены теоретико-правовые основы социальной защиты семьи, описана роль государственной социальной поддержки как механизмов реализации социальной политики государства в отношении семьи и детей. Основной целью оказания государственной социальной поддержки семье и детям является поддержание уровня жизни уязвимых слоев населения. В статье актуализируется внимание на необходимости осуществления превентивных мер по предотвращению попадания семей в сложные жизненные обстоятельства. Делается вывод о необходимости поднятия авторитета и статуса семьи в современном казахстанском

обществе, а также повышения государственных социальных стандартов в предоставлении социальной защиты семьи, детства, материнства и отцовства.

Ключевые слова: несовершеннолетний, родители, законные представители, воспитание детей, социальная защита, дети-сироты.

Одним из основных элементов социальной политики Республики Казахстан является социальная защита населения, основная цель которого состоит в обеспечении надлежащего уровня жизни членов общества, повышении их благосостояния, поддержке отдельных категорий граждан в случае наступления социальных рисков (малообеспеченность, инвалидность, сиротство, бедность и тому подобное), а также обеспечении социальной справедливости и социально-политической стабильности в стране.

Сложные социально-экономические и политические условия, в которых развивается Республика Казахстан, определяют особенности развития общественных отношений, субъектами которых являются разные слои населения. Одним из основополагающих положений социальной политики является создание механизма выработки и реализации соответствующих приоритетов в интересах социально незащищенных слоев общества. Отдельные из них через возрастную психологическую, мировоззренческую и другую специфику, которая предопределяет их социальную уязвимость и незащищенность, нуждаются в особой поддержке, помощи и защиты. Особая категория нашего общества, требующая социальной защиты - это многодетные, неполные и малообеспеченные семьи, дети-сироты и дети, лишенные родительской опеки, дети-инвалиды.

На сегодняшний день, система социальной защиты семьи и детства в Республике Казахстан находится на стадии реформирования и существуют определенные проблемы, которые требуют своевременного решения: несовершенство механизма реализации социальной защиты семьи и детства, декларативность некоторых социальных гарантий, несоответствие установленных минимальных социальных стандартов реальному состоянию экономики в государстве (несоответствие размера прожиточного минимума, который определен на законодательном уровне и реального его размера), слаборазвитая система адресной социальной помощи и тому подобное.

Такая ситуация приводит к тому, что большинство семей с детьми находятся за чертой бедности, в условиях тотального обнищания. Так, например, в Казахстане в 2017 из 18 157 300 человек было отмечено 2,6% бедных, то есть имеющих доход ниже прожиточного минимума, это примерно 470 тысяч человек. Уровень бедности недооценен и он был пересмотрен в 2018 году. 80% бедных семей имеют более 3 детей, а 55% – четырех и более детей [1].

Поэтому такая ситуация требует немедленной активной реакции от государства, а именно принятие всех необходимых мер социально-экономического, финансового, правового, организационного характера по улучшению экономического климата в Казахстане и повышению уровня жизни населения. То есть органы государственной власти должны работать с такими малообеспеченными семьями, большинство которых находится в сельской местности, чтобы выводить эти семьи из бедности, предоставляя адресную помощь или создавая иные условия.

Сложившаяся ситуация имеет и другую немаловажную сторону, которая должна быть под пристальным контролем государства, что бы не усугубить демографическое положение в стране. В частности, исследователи обращают внимание, что бедность в целом, и бедная семья в частности, является наиболее

политизированным, острым аспектом, характеризующим функционирование семьи как социального института, например, «домохозяйства с низким доходом», «получатели социальных благ» и другие различного рода семьи будут ориентироваться на малое рождение детей [2, с. 144].

Еще одной немаловажной проблемой, являющееся следствием ситуации с бедностью семей с детьми - рост правонарушаемости несовершеннолетних, бродяжничества и попрошайничества. Ценностные ориентации детей и подростков во многом определяются уровнем материального положения их семей. Между тем положение многих казахстанских семей, имеющих детей, в современных условиях можно охарактеризовать как неудовлетворительное. Несомненно, не всегда проблема неблагополучности, это следствие бедности. Однако социальная необеспеченность является одной из распространенных причин правонарушений. Об этом свидетельствуют исследования, показывающие, что одним из основных факторов преступности среди несовершеннолетних детей является неблагополучие семей. Поэтому данный показатель используется при расчете индекса благополучия детей. В 2017 году число лиц, совершивших преступления составило 115 682 человека, из них 3 156 – несовершеннолетние [1].

Таким образом, существует множество проблем в семейной жизни, требующих разрешения не только радикальными методами, но и воспитательными, а также превентивными мерами. Зная, что за каждой такой судьбой стоит судьба ребенка, необходимо выявлять и предупреждать усугубление ситуации, изыскивать эффективные способы и методы разрешения проблем

Защита семьи считается важным показателем развития общества, одним из направлений эффективной социальной политики, поскольку именно семья является тем центром, в котором зарождается формирование личности, ее черт характера, воспитание в духе уважительного отношения к другим людям, осознание ею общечеловеческих ценностей, норм этики и морали, удовлетворении духовных потребностей, уважения государства и общества в целом.

Учитывая важную роль семьи как ячейки воспитания детей, безусловно, необходима государственная поддержка семьи, ее защита со стороны органов власти, что обычно выражается в принятии соответствующих государственных целевых программ социального развития, финансировании социальных проектов, в том числе и тех, которые касаются развития семьи (государственные молодежные программы, различные концепции развития материнства, разработка и воплощение в жизнь различных программ, которые касаются защиты детства, материнства и отцовства, и тому подобное).

Исследователи считают, что в зависимости от конкретных исторических предпосылок, экономического положения страны каждое государство закрепляет для своей системы социальной защиты какие юридические факты следует определять социально значимыми, при наступлении которых за гражданами признается возможность реализации права на социальное обеспечение, защиту, помощь [3]. Они, несомненно, правы, и построение государственной системы социальной защиты семьи, это важное направление социальной политики страны.

О необходимости защиты семьи государством отмечено и в Конституции Республики Казахстан: «Брак и семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства» (статья 27) [4]. Защита семьи государством - важный социально-правовой институт, который влияет на стабильность и прочность

семейных отношений и включает проведение широкого круга экономических, социальных и правовых мер.

За время независимости Республики Казахстан семейная политика государства осуществлялась различными органами и министерствами, а потому и нормативно-правовое регулирование охраны семейной политики, материнства, отцовства и детства осуществлялось значительным количеством нормативно-правовых актов. Это довольно часто вызывало различные проблемы в правовом регулировании этого института.

На сегодняшний день, ситуация более или менее стабилизировалась, и начала формироваться определенная модель социальной защиты семейной политики. В свою очередь, нормативно-правовая база также получила определенную систему.

На сегодняшний день в стране выстроена национальная система поддержки семей с детьми, включающая в себя ряд государственных пособий и выплат.

В частности, для стимулирования рождаемости и содействия воспитанию детей в семье, с 2003 года введены пособия на рождение ребенка и с 2006 года - пособия по уходу за ребенком до одного года, размеры которых считаются в зависимости от количества детей в семье. С 2008 года введены выплаты при наступлении социальных рисков в случае потери дохода в связи с беременностью и родами, уходом за ребенком по достижении им возраста одного года. С 2014 года введено субсидирование обязательных пенсионных взносов для работающих женщин, находящихся в отпусках по уходу за ребенком до достижения им одного года. Это способствовало положительному росту уровня рождаемости.

Государство также оказывает поддержку многодетным матерям. В частности, выплачивается специальное государственное пособие, награжденным подвесками «Алтын алқа», «Күміс алқа» или получившим ранее звание «Мать-героиня», награжденным орденами «Материнская слава» I и II степени, многодетным семьям, имеющим четырех и более несовершеннолетних детей.

Особое внимание уделяется семьям, воспитывающим детей с ограниченными возможностями. Помимо государственного социального и специального государственного пособия по инвалидности детям-инвалидам, с 2010 года родителям, опекунам и усыновителям, воспитывающим ребенка-инвалида, до достижения им совершеннолетия, выплачивается государственное пособие в размере 1,05 минимального размера заработной платы. Кроме того, выплачивается пособие на возмещение затрат на обучение на дому родителям и иным законным представителям детей-инвалидов по решению местных представительных органов.

В рамках поддержки малообеспеченных семей выплачивается ежемесячное государственное пособие на детей до 18 лет семьям с доходами ниже стоимости продовольственной корзины на каждого ребенка. Также государство оказывает адресную социальную помощь семьям, имеющим среднедушевой доход ниже черты бедности.

Особое внимание со стороны государства уделяется социальной защите и медико-педагогической коррекционной поддержке детей-инвалидов.

Детям-инвалидам в соответствии с индивидуальной программой реабилитации предоставляются: санаторно-курортное лечение, специальные средства передвижения, технические вспомогательные (компенсаторные) средства и обязательные гигиенические средства, услуги инвентакси. Министерством ежегодно проводится работа по актуализации и расширению перечня технических вспомогательных (компенсаторных) средств.

В целом, государство обеспечивает социальную защиту, поддержку детей дошкольного возраста, особенно детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, детей, которые нуждаются в коррекции физического и умственного развития, в длительном лечении и реабилитации, а также детей из малообеспеченных и многодетных семей. Приоритетная роль государства в формировании личности ребенка и обеспечении социальной безопасности четко обозначена в законодательных документах международного и отечественного уровня. Модернизация системы образования выдвигает в качестве одной из важнейших задач обеспечение полноценного, безопасного существования ребенка в обществе.

Меры, принимаемые государством в направлении поддержки семьи и женщин, имеющих детей, уже начали давать положительные результаты и в дальнейшем также будут в некоторой степени способствовать росту рождаемости в нашей стране, однако для преодоления демографического кризиса необходимы комплексные действия.

Любая стратегия содействия сокращению бедности среди семей с детьми должна представлять собой гармоничное сочетание двух направлений социально-экономической политики:

- повышения доходов работающего населения;
- развития программ адресных социальных выплат для детей из бедных семей.

Только в этом случае можно увидеть действенный результат предпринимаемых государством усилий, в сфере социальной защиты.

Список литературы:

1. Джандосова Ж.С, Байтугелова Н.Ю, Шарипбаева А.Е, Смагулова Ш.А., Кудашева Т.В. Индекс благополучия детей в Казахстане. - Астана, 2018. – 71 с.
2. Жаназарова З.Ж. Социальная защита семьи в современном Казахстане // KazNU Bulletin. Psychology and sociology series. - №3 (58). – 2016. – С. 141-145.
3. Бурибаев Е.А., Хамзина Ж.А. Вопросы социального обеспечения ребенка и семей, воспитывающих детей // <https://www.zakon.kz/4892209-voprosy-sotsialnogo-obespecheniya.html>
4. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года (с последующими изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – **Режим доступа:** <http://online.zakon.kz>

Түйіндеме

Бұл мақалада отбасын әлеуметтік қорғаудың теориялық-құқықтық негіздері қарастырылған, отбасы мен балаларға қатысты мемлекеттің әлеуметтік саясаттың іске асыру тетіктері ретінде мемлекеттік әлеуметтік қолдаудың рөлі сипатталған. Отбасы мен балаларға мемлекеттік әлеуметтік қолдау көрсетудің негізгі мақсаты халықтың әлеуметтік жағынан дәрменсіз топтарының өмір сүру деңгейін қолдау болып табылады. Мақалада отбасының қиын өмірлік жағдайларға түсуін болдырмау бойынша алдын алу шараларын жүзеге асыру қажеттілігіне назар аударылады.

Қазіргі қазақстандық қоғамда отбасының беделі мен мәртебесін көтеру, сондай-ақ отбасын, баланы, ана мен әке болуды әлеуметтік қорғаудың мемлекеттік әлеуметтік стандарттарын көтеру қажеттігі туралы қорытынды жасалады.

Summary

This article examines the theoretical and legal foundations of social protection of the family, describes the role of state social support as mechanisms for implementing the state's

social policy in relation to the family and children. The main goal of providing state social support to families and children is to maintain the standard of living of vulnerable segments of the population. The article focuses on the need to implement preventive measures to prevent families from falling into difficult life circumstances. It is concluded that it is necessary to raise the authority and status of the family in modern Kazakhstan society, as well as to increase state social standards in providing social protection for the family, childhood, motherhood and fatherhood.

УДК 341:681.3:004

Ерболатов Е.Е.,
докторант
Варненский Свободный
Университет «Черноризец Храбър»

АКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

В данной научной статье рассматриваются тенденции развития международно-правового регулирования оборота и защиты персональных данных. Особое внимание уделяется международно-правовой регламентации оборота и защиты персональных данных, в контексте развития процессов трансграничной передачи данных. Обосновывается необходимость создания международно-правового механизма защиты персональных данных, и ее гармонизации с национальным механизмом Республики Казахстан, с позиции исключения противоречий, дополнения новыми положениями и др.

Ключевые слова: персональные данные, информация, международно-правовая защита, конфиденциальность персональных данных.

Во второй половине XX века, очевидность ситуации о невозможности обеспечения защиты обработки и конфиденциальности персональных данных личности лишь национальными правовыми средствами стала бесспорной. Использование внутригосударственных законодательных актов, при регулировании передачи данных в другие страны, не могли охватить весь процесс. Это привело к незащищенности прав личности, снизило эффективность правового регулирования и порой к запрету трансграничной передачи данных.

Защита персональных данных, это сложный в процедурно-процессуальном плане механизм, который несравним с защитой иных прав личности. Как отмечает известный исследователь конфиденциальности персональных данных Colin J. Bennett, для защиты персональных данных требуется совместный процесс обучения и посредничества снизу-вверх, равно как и меры регулирования и принудительного исполнения сверху вниз [1]. Поэтому требуется выработка системного подхода, с задействованием в данном механизме всего субъектного состава, которые совместными усилиями смогут обеспечить эффективный результат.

На сегодняшний день, открытое информационное пространство характеризуется наличием правовых регуляторов объединенных в рамках

определенной международной организации (ОЭСР, ЕС, СНГ, ОАГ). Исследователи А. Пазюк, М. Соколова, сравнивая их с «островами» в глобальном информационном пространстве, пишут: «Эти «острова» гармонизированного законодательства окружены «морем» стран, не располагающих адекватным (по критериям международных организаций) или вообще каким-либо законодательством о защите персональных данных. Внутри каждого сообщества стран, гармонизировавших свое законодательство по определённым критериям осуществляется свободный трансграничный обмен персональными данными» [2, с. 71]. Справедливость данного тезиса в том, что в настоящее время международным сообществом еще не выработано единого правового документа, в котором была бы предусмотрена тщательно регламентированная процедура обеспечения и защиты конфиденциальности оборота персональных данных.

Право индивида на защиту информации персонального характера, является центральным, в современных условиях открытого информационного общества, в котором трансграничная передача данных является необходимым процессом. Непрерывное трансграничное взаимодействие в сфере оборота персональных данных, переводит механизм их защиты, из разряда национальных, на уровень международных. Поэтому потребность в международном законодательстве, возрастает с каждым новым витком развития информационных технологий, делающих процесс информационной открытости глобальнее. Такое законодательство унифицирует положения и стандарты, действующие в области защиты персональных данных.

Краеугольным камнем международно-правовой регламентации оборота и защиты персональных данных, является необходимость достижения согласия в отношении основополагающих начал, которые будут положены в основу защиты данных. Очевидным результатом станет появление конкретных обязательств у государств обеспечивать соблюдение норм и стандартов обработки персональных данных и вырабатывать на национальном уровне строгие правила по сбору, доступу, хранению, использованию, распространению и защите персональных данных. Без решения этого центральной задачи, невозможно преодоление разногласий законодательств разных стран при трансграничной передаче персональных данных.

В Республике Казахстан, защита персональных данных, регулируется действующим законодательством и подзаконными правовыми актами, содержащими права и обязанности субъектного состава правоотношений в сфере оборота и защиты персональных данных, а также предусматривающими ответственность за их неправомерную обработку. В целом, национальные нормы в сфере защиты персональных данных соответствуют общепринятой мировой практике. Но при этом, сложность заключается в том, что сеть Интернет, является глобальным информационным пространством, которое не может быть урегулировано посредством внутреннего законодательства. К тому же национальными правовыми средствами невозможно обеспечить защитой внутренние Интернет-ресурсы от незаконных посягательств субъектов, находящихся под юрисдикцией другого государства. И к тому же, внутригосударственные правовые нормы, не могут обеспечить правовое сопровождение процесса трансграничной передачи данных.

Поэтому необходимость создания международно-правового механизма защиты персональных данных очевидна. К тому же необходимо, гармонизировать ее с национальным механизмом Республики Казахстан, с позиции исключения противоречий, дополнения новыми положениями и др.

В настоящее время, можно назвать три направления в тенденции формирования международно-правового механизма защиты персональных данных.

1. Декларирование права на защиту персональных данных, как важного элемента цельного механизма, создаваемого актами общегуманитарного характера, принимаемых международными организациями отвечающего за защиту прав человека.

2. Правовые нормы организационно-технического характера, стандарты и правила, направленные на регулирование сбора, обработки и защиты персональных данных закрепляются в актах регулятивного характера ЕС, СНГ и некоторых региональных международных организаций. Их отличает универсальность, практичность, превентивная направленность, которые имплементируются национальными правовыми системами.

3. Нормы, направленные на обеспечение конфиденциальности оборота и защиту персональных данных включаются в международные договоры, заключаемые между двумя и более странами.

Рассмотрим их поподробнее.

Первое направление претендует на историческое первенство, так как берет отсчет из общего источника, явившегося итогом Великой Французской революции, и продекларировавшем приоритет интересов личности, перед интересами государства. В современный период информационные права и свободы личности являются важнейшей частью фундаментальных прав человека, которые были закреплены во Всеобщей декларации, принятой в 1948 году. Там провозглашены, право на охрану от вмешательства в личную и семейную жизнь и на тайну корреспонденции. Оно не может нарушаться без законных оснований. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, содержит аналогичные права. В рамках интерпретации право на личную жизнь, жизнь с точки зрения охраны информации о ней, устанавливает, что персональные данные, также подлежат правовой охране и защите. Данное положение положено в основу информационных прав сформированных на международном уровне, когда информация о человеке является своеобразным активом, имеющим определенную ценность. Именно эти акты, становятся фундаментом современной правовой базы, носящих более утилитарный характер. На сегодня, нет детализированного международного документа в сфере защиты персональных данных, которые был бы ратифицирован Республикой Казахстан и имел приоритет перед ее законами.

В рамках второго направления прослеживается более детализированное закрепление правовой регламентации оборота и защиты персональных данных на разных уровнях и для разных регионов. Регламенты, директивы, резолюции и иные документы, принимаемые органами управления региональных международных организаций, имеют обязательную юридическую силу для государств-членов. Они направлены на формирование и закрепление основных информационных прав человека, актуализированных в эпоху внедрения современных информационных технологий придавших импульс увеличению объема трансграничного обмена персональной информации. Совокупность всех правовых актов подобного рода, составляет основу современного механизма международной защиты персональных данных, наиболее полно и эффективно регулирует их оборот, но содержит значимый недостаток - не способность общей унификации принципов, норм, стандартов и правил регулирования процессов сбора, обработки и защиты персональных данных.

В последнее десятилетия принят целый комплекс документов, которые предлагают свои механизмы в сфере оборота и защиты персональных данных. Среди таких документов можно назвать следующие:

Совет Европы в 1980 году разработал и принял прогрессивный для того периода документ - Европейскую конвенцию о защите физических лиц в вопросах, касающихся автоматической обработки личных данных. Данная Конвенция имеет одновременно практический и системный характер. Документ вступил в законную силу в 1985 году. В ней освещаются вопросы сбора и обработки сведений о личности и ее жизни, определяется порядок сбора и обработки персональных данных, сроки, условия и принципы хранения, порядок предоставления доступа к этим данным, рекомендуемые способы технической и аппаратной защиты данных. Данный документ содержит гарантии соблюдение прав индивида при сборе и обработке персональных данных, а также содержит запреты обработки персональных данных о расе, политических, религиозных взглядах и убеждениях, здоровье, без соответствующих юридических оснований;

Парламентом Европейского Союза, в 1979 году была разработана и принята Резолюция «О защите прав личности в связи с прогрессом информатизации», в которой определены важные идеологические тенденции правового регулирования сферы информационных прав применительно к государствам – членам Евросоюза. В данном документе содержится рекомендация Совету и Комиссии Европейских сообществ незамедлительно разработать и принять ряд правовых актов, по защите личных данных подвергающиеся опасности в связи с техническим прогрессом в области информатики. Резолюция «О защите прав личности в связи с прогрессом информатизации» содержит направления в каком аспекте необходимо разрабатывать правовую базу в области обеспечения и защиты информационных прав личности. На сегодняшний день, можно утверждать, что Резолюция, стала фундаментальной основой для разработки и принятия комплекса директив и постановлений.

К ним относятся Рекомендации Организации по сотрудничеству стран-членов Европейского Союза «О руководящих направлениях по защите частной жизни при межгосударственном обмене данными персонального характера», а также директивы определяющие основные принципы регулирования сферы обеспечения конфиденциальности сведений личности (Директивы № 95/46/ЕС и № 2002/58/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 24 октября 1995 года «О защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных», Директива № 97/66/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 15 декабря 1997 года, касающаяся использования персональных данных и защиты неприкосновенности частной жизни в сфере телекоммуникаций и другие документы).

Отдельный пакет документов принимался в рамках Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), созданной в 1948 году в целях переустройства Европы. 23 сентября 1980 года была утверждена Директива «Основные положения о защите неприкосновенности частной жизни». В преамбуле этой Директивы говорится: «...Страны - члены ОЭСР сочли необходимым разработать Основные положения, которые могли бы помочь унифицировать национальные законы о неприкосновенности частной жизни и, обеспечивая соблюдение соответствующих прав человека, вместе с тем не допустили бы блокирования международных обменов данными...». Создание Директивы на уровне столь значимой организации было направлено в первую очередь на унификацию

законов государств – членов ОЭСР. Документ установил, что персональные данные необходимо обеспечить соответствующей системой защиты от угроз и рисков, связанных с их потерей, незаконным использованием, уничтожением, несанкционированным доступом, а также избежать блокировки международных обменов персональными данными.

Правовые документы Европейского Союза по своему содержанию отличаются детальной проработкой норм и положений, направленных на регулирование сбора, обработки и защиты персональных данных, а также мер юридической ответственности. Детализированность и конкретика формулировок проявляются в тщательной регламентации всех процессов и в унификации требований к принципам, способам и технологиям автоматизированной обработки персональных данных.

25 мая 2018 года вступил в законную силу Генеральный регламент ЕС о защите персональных данных (General Data Protection Regulation, GDPR), разработанный и принятый еще в 2016 году. Совершенствуя принципы заложенные в прежних документах о защите персональных данных и частной жизни, он направлен на укрепление важнейших прав личности в эпоху цифровых технологий. Помимо этого, он устранил фрагментарность законодательств стран-участниц ЕС, унифицировав его и ликвидирует административные барьеры. Ключевое значение уделено вопросу трансграничного обмена данными, усилению контроля за обеспечением конфиденциальности и внедрению международных стандартов защиты персональных данных.

Хоть правовые нормы актов ЕС и не распространяют действие на страны, не являющиеся их членами, тем не менее, тщательность, всесторонность, качество их проработки, наделяют их свойством стандартов, на которые ориентируются национальные законодательства других государств.

На постсоветском пространстве на сегодняшний день имеется две интеграционные организации – Содружество независимых государств и Евразийский экономический союз.

Созданием модельного законодательства характеризуется Содружество независимых государств, которое осуществляет такую деятельность для сближения (унификации) законодательства государств-участников Содружества. В этой связи, Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ 16 октября 1999 года принят Модельный Закон «О персональных данных». Однако, в связи с существенными изменениями в сфере информационных технологий, возникла потребность в создании более совершенного правового документа направленного на защиту персональных данных, поэтому от 29 ноября 2018 года был принят новый Модельный закон СНГ «О персональных данных».

Данные правовые акты являются своевременными и актуальными, освещают стандарты регулирования обработки персональных данных, дают разъяснения, как определяются права и обязанности субъектного состава правоотношений в сфере оборота данных.

И хотя на сегодня, еще не выявлена юридическая природа модельного законодательства, ее значение и роль для национальных законов, тем не менее можно считать его средством унификации правовых норм.

Исследователи указывают, что они: «носят рекомендательный характер; выполняют нормативно-консолидирующую роль в законодательстве; дают возможность законодательным органам самостоятельно определять степень восприятия модельных законов в законотворческой деятельности; разрабатываются

для приведения к единому знаменателю существующих правовых норм; служат правовым стандартом» [3, с.23].

Модельный закон СНГ «О персональных данных» от 29 ноября 2018 года, разработан с учетом существующей практики государств-участников СНГ, а также Европейского союза. Особое внимание уделено созданию более детального механизма гармонизации законодательства в части оборота персональных данных, а главное внедрены эффективные практики защиты персональных данных.

Таким образом, второе направление в тенденции формирования международно-правового механизма защиты персональных данных является интересным для анализа и наиболее значимым с практической позиции. Они способствуют приведению национальных законодательств стран-членов к международным стандартам, тем самым обеспечивая действенность этих норм на их территории.

Третье направление – это закрепление норм о защите персональных данных в международных договорах, заключаемых между двумя или более странами. В основном, это соглашения, которые заключаются в сфере обмена информацией, сотрудничества в различных областях, об избежании двойного налогообложения и др.

Примером такого документа стало Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Соединенных Штатов Америки о совершенствовании международной налоговой дисциплины от 2016 года. В нем предусмотрено, «Каждый Компетентный орган должен предоставить письменное уведомление другому Компетентному органу, после того, как он удостоверится, что в юрисдикции другого Компетентного органа существуют надлежащие меры безопасности, гарантирующие сохранение конфиденциальности информации, полученной в соответствии с настоящим Соглашением, и ее использование исключительно в целях налогообложения, и инфраструктура для эффективного обмена информацией (включая установленные процедуры, обеспечивающие своевременный, точный и конфиденциальный обмен информацией, эффективную и надежную связь и практические возможности незамедлительного решения вопросов и проблем, связанных с обменом или запросом на обмен информацией» [4].

Сложившаяся практика заключения международных соглашений между государствами, показывает стремление договаривающихся государств достичь консенсуса в соблюдении международных стандартов защиты персональных данных.

Анализ изложенного, позволяет утверждать, что на сегодня, наиболее эффективным механизмом регламентации оборота и защиты персональных данных на международном уровне, являются акты, принимаемые международными организациями. Обусловлено это тем, что они регулируют как процесс оборота персональных данных внутри самой организации, так и оказывают положительное конструктивное влияние на национальные правовые регуляторы. Документы, принимаемые международными организациями, создают международное понимание фундамента защиты персональных данных. Межгосударственный характер правовых документов подразумевает доверительный уровень сотрудничества его участников.

Тем не менее, хаотичность, наблюдаемая в сфере правового регулирования оборота персональных данных и их защиты, позволяет констатировать имеющуюся потребность в унификации международно-правовых норм, в рамках единого международного документа. Предполагаемый документ, должен создавать благоприятные условия сбора, обработки и хранения персональных данных, в том

числе с использованием новых информационных технологий, и обеспечивающих при этом защиту прав и законных интересов субъектов данных. Кроме того, в нем необходимо закрепить регулирование трансграничного обмена данными между участниками информационного взаимодействия. Он должен определять правовой статус субъектов правоотношений в сфере персональных данных, включая те, которые размещены в социальных сетях, и ввести ответственность за их ненадлежащую обработку. В этой связи, основной вектор трансформации глобального информационного пространства – формирование международного законодательства в сфере персональных данных.

Таким образом, институт защиты персональных данных перешел на уровень таких категорий, который регулируется не только национальным правом. Характерной чертой автоматизированных информационных систем современности можно назвать «наднациональность», действие их за пределами государств, развитие общедоступных глобальных информационных сетей, формирование открытого информационного пространства.

Список литературы:

1. Bennett, C.(1998) Application of a Methodology designed to Assess the Adequacy of the Level of Protection of Individuals with regard to Processing Personal Data: Test of the Method on Several Categories of Transfer. European Commission Tender No. XV/97/18/D, September 1998. Доступно через: http://ec.europa.eu/justice/dataprotection/document/studies/files/19980901_adequacy_methodology_en.pdf
2. Защита персональных данных: введение в проблематику: учебное пособие / А. Пазюк, М. Соколова. – Минск, 2015. – 116 с.
3. Шестакова Е.В. Модельное законодательство: теоретико-правовые аспекты и практика применения: Автореферат дис. на соискание ученой степени к.ю.н. 12.00.01. – М., 2006. – 27 с.
4. Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 октября 2016 года № 613 «О подписании Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Соединенных Штатов Америки о совершенствовании международной налоговой дисциплины». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000613>

Түйіндеме

Бұл ғылыми мақалада жеке деректердің айналымы мен қорғалуын халықаралық-құқықтық реттеудің даму тенденциялары қарастырылады. Деректерді трансшекаралық беру үдерістерін дамыту контексінде жеке деректердің айналымы мен қорғалуын халықаралық-құқықтық регламенттеуге ерекше назар аударылады. Дербес деректерді қорғаудың халықаралық-құқықтық тетігін құру және оны Қазақстан Республикасының ұлттық тетігімен қарама-қайшылықтарды болдырмау, жаңа ережелермен толықтыру және т. б. тұрғысынан үйлестіру қажеттілігі негізделді.

Summary

This scientific article examines the trends in the development of international legal regulation of personal data turnover and protection. Special attention is paid to the international legal regulation of personal data turnover and protection in the context of the

development of cross-border data transfer processes. The author substantiates the need to create an international legal mechanism for the protection of personal data, and its harmonization with the national mechanism of the Republic of Kazakhstan, from the position of excluding contradictions, adding new provisions, etc.

УДК 343.121.5(574)

Касымов Д.М.,
магистрант 2 курса
Евразийской юридической
академии имени Д.А. Кунаева

ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ОРГАНОВ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В КАЗАХСТАНЕ

В данной научной статье рассматриваются основные аспекты становления и развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан. Обосновывается необходимость системного оформления ювенальной юстиции в Казахстане, анализируются разные теоретические подходы к определению содержания и объема понятия «ювенальная юстиция». Обращается внимание на недостатки существующей системы ювенальных учреждений, и предлагаются пути наиболее рационального и системного формирования ювенальной юстиции в Республике Казахстан.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, права ребенка, несовершеннолетний, правосудие по делам несовершеннолетних

Вопросам становления ювенальной юстиции в последние годы уделяется достаточное внимание, при этом, как показывает практика, лишь маленькая часть населения нашего государства имеет четкое представление о том, что собой представляет данная специализированная система. Примером некомпетентного подхода, одностороннего толкования основ ювенальной юстиции могут служить интервью, мнения, размещенные на многих сайтах в интернете. Это, к сожалению, играет отрицательную роль в формировании общественного мнения, о необходимости введения ювенальной юстиции.

Нивелирование института семьи на общегосударственном уровне приводит к безответственности родителей в воспитании детей (надругательство над достоинством ребенка, жестокое обращение, физическое злоупотребление, морально-психологическое давление и прочее), а также негативно влияет на правовую ментальность и, в будущем, правовую культуру. Это провоцирует распространение такого негативного общественного явления, как беспризорные и безнадзорные дети, что в самом корне порождает еще более негативное проявление этого явления – правонарушения и преступления среди несовершеннолетних. Ведь это отражает закономерный ответ детей на насилие в их семьях, неадекватный, с учетом аксиологического измерения, родительский подход к воспитанию. Поэтому в случае роста уровня преступности среди несовершеннолетних, распространение девиантного поведения среди них целесообразно говорить о хотя бы относительной, но все же угрозе национальной безопасности государства.

Любое современное общество должно исходить из приоритетности подготовки детей к полноценной жизни в обществе, развития у них общественно значимой и творческой активности, воспитания высоких нравственных качеств, гражданственности. Общеизвестно, что одной из основных целей любого цивилизованного общества является развитие нравственности, культуры, духовности, физического воспитания у будущего поколения, так как невозможно построить прогрессивное правовое государство без достойной смены, наделенной высокой нравственностью и правосознанием.

Однако, являясь одной из самых незащищенных групп населения, дети зачастую оказываются жертвами недобросовестных родителей, чиновников и граждан, безнаказанно нарушающих их права и свободы, а неспособность детей самостоятельно защищать свои права и законные интересы, недоступность для них квалифицированной помощи юристов, адвокатов и других специалистов диктует необходимость определения надежного и действенного механизма защиты их прав и законных интересов.

Основной набор прав, свобод и обязанностей ребенка закреплен в важнейших международно-правовых актах: Женевская Декларация прав ребенка 1924 года, Декларация о правах ребенка 1959 года, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Конвенция ООН «О правах ребенка» 1989 года; Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») 1985 года; Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей 2000 года; Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) 1990 года.

Как признано мировым сообществом и закреплено Конвенцией ООН о правах ребенка, дети как особая, не являющаяся дееспособной и вместе с тем весьма значительная часть общества нуждаются в специальных механизмах защиты их прав [1, с. 15]. Именно таким механизмом и стал институт ювенальной юстиции. В самом конце XIX в. в США создали специальный суд по делам несовершеннолетних. Основной причиной появления данного суда явился небывалый рост преступности несовершеннолетних. Далее это новшество распространилось по всей Европе.

В современной юридической науке ювенальная юстиция понимается в широком и узком смыслах. В широком смысле (А.С. Автономов, Н.Л. Хана-нашвили, Н.П. Мелешко) в ее систему включают как судебные, так и несудебные органы, осуществляющие юрисдикционные функции (например, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав); а также органы, осуществляющие уголовное преследование (прокуратура, органы следствия и дознания); государственные органы, осуществляющие управление в сфере отправления правосудия; органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; уполномоченного по правам ребенка; органы опеки и попечительства; общественные и правозащитные организации, действия которых также направлены на реализацию и обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних.

В узком смысле (Э.Б. Мельникова) под ювенальной юстицией понимает систему специализированных судебных органов, предназначенных для рассмотрения дел, в которых хотя бы одной стороной является несовершеннолетний и

функционирующих в рамках системы судов общей юрисдикции. Ювенальная юстиция - это, прежде всего, правосудие и центральным его звеном является суд [2, с. 14, 43].

Казахстанский исследователь Н.О. Дулатбеков, высказывает идентичное мнение, считая, что «ювенальная юстиция – это специальная система правосудия для несовершеннолетних» [3, с. 4].

Республика Казахстан относится к странам современного мира, где защита прав несовершеннолетних как отрасль социальной политики и социального права получила широкое развитие, а правосудие по делам несовершеннолетних выделилась в самостоятельную подсистему общего правосудия. К сожалению, несмотря на наличие государственного регулирования развития молодежной политики, в Казахстане еще не на достаточном социально-правовом уровне нормированы проблемные вопросы защиты прав несовершеннолетних. Фактически масштабы правонарушений среди несовершеннолетних, и, наконец, криминализация общества в целом, свидетельствует о низком уровне действующей правовой системы нашего государства, в частности и что касается охраны прав и свобод детей.

Республика Казахстан начала формировать систему ювенальной юстиции, так как столетний период функционирования в мире различных ее моделей, доказал их эффективность в деле защиты прав и законных интересов детей и молодежи.

В Республике Казахстан меры, применяемые на государственном уровне по обеспечению прав ребенка, имеют системный и последовательный характер.

8 августа 2002 года был разработан и принят Закон Республики Казахстан «О правах ребенка в Республике Казахстан» [2]. Он направлен на регламентацию отношений, возникающих в связи с реализацией прав и интересов детей. Достаточно прогрессивный по содержанию, он направлен на развитие у детей общественно значимой и творческой активности, воспитание в детях высоких нравственных качеств, патриотизма и гражданственности, формирования национального самосознания на основе общечеловеческих ценностей мировой цивилизации.

Нормы ювенального права содержатся в целом ряде статей Гражданского кодекса Республики Казахстан, Уголовного кодекса Республики Казахстан, Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях, Кодекса Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье, Трудового кодекса Республики Казахстан, Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан и т.д.

С 2001 по 2006 год в Республике Казахстан проводился пилотный международный проект «Ювенальная юстиция в Казахстане», определяющий основные подходы к формированию институтов ювенальной юстиции, предусматривающий создание и апробирование правосудия для несовершеннолетних в стране.

Как считает казахстанский исследователь Г.Ж. Сулейменова, решение об апробации такого проекта было обусловлено необходимостью изменения методов работы по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и создания эффективных механизмов соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. Поэтому основной целью проекта явилось создание и обеспечение специализированной системы правосудия для несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления и выяснить, насколько она приемлема для казахстанской правовой среды и будет ли она эффективной [5].

В рамках реализации международного проекта «Ювенальная юстиция в Казахстане», особое внимание было уделено международным нормам, стандартам и практике, проведен анализ соответствия им казахстанского законодательства в сфере ювенальной юстиции.

В предлагаемом проекте «Ювенальная юстиция в Казахстане» внесены предложения по совершенствованию действующего законодательства, внедрению мировых методик, государственным органам рекомендовано завершить разработку модели специализированных служб ювенальной юстиции, в которую входят: ювенальная полиция, ювенальная прокуратура, ювенальная юридическая консультация, ювенальные суды/судьи, служба пробации (уголовно-исполнительные инспекции).

Следуя рекомендации данного международного проекта, 23 августа 2007 года Президент Республики Казахстан подписал Указ о создании двух первых специализированных судов по делам несовершеннолетних в городах Алматы и Астаны [6].

Исследователи отмечают, что истоки решения проблемы создания ювенальных судов в Казахстане берут свое начало из результатов деятельности экспериментальных ювенальных судов, созданных в Ауэзовском районе города Алматы и в Карасайском районе Алматинской области, где с 2004 года экспериментировался пилотный проект «Ювенальная юстиция в Казахстане» [7, с. 81].

Эксперимент с ювенальными судами, стал успешным для Казахстана. И 19 августа 2008 года Президентом Республики Казахстан издан Указ «О Концепции развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009-2011 годы» [8].

Концепция развития системы ювенальной юстиции закрепила постулат, что правовая защита должна охватывать всю сферу жизнедеятельности несовершеннолетних: воспитание, образование, здравоохранение, труд, социальное обеспечение, досуг [8]. Тем самым государство расширило понятие ювенальной юстиции, выведя его за круг принятого мнения, что это всего лишь правосудие для несовершеннолетних. В соответствии с этим, в государстве начал разрабатываться широкий подход формирования органов ювенальной юстиции, охватывающий целый социальный комплекс специализированных служб правоохранительных органов, органы и учреждения системы профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних, адвокатуру, общественные и правозащитные организации.

Концепция развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009-2011 годы закрепила основные итоги проведенного международного проекта «Ювенальная юстиция в Казахстане» и определила структуру системы ювенальной юстиции.

Предложенная Концепцией структура, выглядит следующим образом:

1. Специализированные (ювенальные) суды по делам несовершеннолетних, который является наиболее важным звеном системы ювенальной юстиции, обладает наиболее широкими возможностями при решении вопросов, касающихся защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

Специализированному межрайонному суду по делам несовершеннолетних подсудны уголовные дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, за исключением дел, отнесенных к подсудности областного и приравненного к нему

суда. Кроме того, специализированные межрайонные суды по делам несовершеннолетних рассматривают гражданские дела по спорам об определении места жительства ребенка; о лишении (ограничении) и восстановлении родительских прав; об усыновлении (удочерении) ребенка; по спорам, возникающим из опеки и попечительства (патроната) над несовершеннолетними в соответствии с брачно-семейным законодательством Республики Казахстан.

2. Специализированная (ювенальная) прокуратура, в виде специализированных подразделений по организации надзора за применением законодательства о несовершеннолетних в органах прокуратуры, к функциям которых будут отнесены:

1) осуществление надзора за расследованием уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними;

2) принятие обязательного участия на всех стадиях судебного разбирательства по уголовным, гражданским и административным делам, затрагивающим интересы несовершеннолетних;

3) проверка законности судебных актов по уголовным, гражданским и административным делам;

4) опротестовывание в установленном законом порядке незаконных судебных актов в отношении несовершеннолетних;

5) осуществление надзора за законностью в сфере исполнительного производства, уделяя особое внимание своевременности взыскания алиментов;

6) проведение проверок деятельности государственных органов по вопросам применения законодательства о несовершеннолетних;

7) рассмотрение и разрешение обращений физических и юридических лиц по вопросам несовершеннолетних;

8) анализ работы и выработка рекомендаций по совершенствованию законодательства и решению тех или иных проблем, возникающих в общественных отношениях с участием несовершеннолетних.

3. Специализированная (ювенальная) полиция, задачами которой будет профилактика, раскрытие и расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении их. Данные задачи будут реализованы: участковыми инспекторами по делам несовершеннолетних административной полиции; сотрудниками криминальной полиции по делам несовершеннолетних; следователями, закрепленными для расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении их.

Кроме того, в системе органов внутренних дел созданы и функционируют центры временной изоляции, адаптации и реабилитации несовершеннолетних, являющиеся специальными детскими учреждениями.

4. Специализированная (ювенальная) адвокатура, ориентированная на защиту прав детей, профессиональным защитником. Кроме того помощь будет оказываться специализированными ювенальными юридическими консультациями в городах и областных центрах республики.

5. Специализированные уголовно-исполнительные инспекции, для исполнения наказаний без лишения свободы в отношении несовершеннолетних.

6. Региональные органы по защите прав детей: интернатные учреждения для детей, в том числе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; дома ребенка; дома-интернаты для детей-инвалидов; центры временной изоляции и реабилитации несовершеннолетних; специальные школы для детей и подростков,

нуждающихся в особых условиях воспитания; школы для детей с девиантным поведением; дома семейного типа для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; дома юношества для выпускников детских домов, школ-интернатов для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

7. Система социального сопровождения несовершеннолетних – это деятельность специальных социальных служб, рассматривающих специфические вопросы, затрагивающие интересы несовершеннолетних:

1) социальные психологи из специализированных ювенальных юридических консультаций;

2) социальные работники ювенальных судов;

3) инспекторы специализированной полиции;

4) специализированные сотрудники уголовно-исполнительной инспекции;

5) специалисты региональных органов по защите прав детей [8].

Таким образом, в рассматриваемой Концепции, Республика Казахстан, поставила перед собой амбициозную и масштабную задачу, создать разветвленную сеть органов ювенальной юстиции, для улучшения ситуации в сфере защиты несовершеннолетних. И признав, что ювенальные суды, являются основным стержнем этой системы, и учтя положительный опыт действия созданных в порядке эксперимента двух ювенальных судов, Указом Президентом Республики Казахстан от 4 февраля 2012 года [9] такие суды образованы во всех областных центрах и некоторых крупных городах республики.

Республика Казахстан, первая из стран Центральной Азии, где на сегодня успешно функционируют 19 ювенальных судов: по два суда в Алматинской, Восточно-Казахстанской и Карагандинской областях и по одному суду во всех областных центрах, городах Астана и Алматы.

Кроме того, в 2016 году в Республике Казахстан создан институт Уполномоченного по правам ребенка [10].

Таким образом, учитывая значимость правосудия в отношении несовершеннолетних в нашей стране, развитие ювенальной системы защиты прав ребенка предполагает поэтапный и комплексный процесс, направленный на совершенствование уже существующих государственных учреждений и механизмов эффективного взаимодействия между собой всей системы органов, деятельность которых направлена как на осуществление правосудия, так и на различные профилактические мероприятия, и создания новых ювенальных институтов в соответствии с международными стандартами.

Список литературы:

1. Борисова Н. Е. К вопросу о концепции российского ювенального права // Право и жизнь. - 1999. - № 19. – С. 14-19.

2. Мельникова, Э.Б. Правосудие по делам несовершеннолетних: история и современность. – М.: Наука, 1990. – 118 с.

3. Ювенология: Учебник / Под общ. ред. Н.О. Дулатбекова. – Алматы: Жеті-Жарғы, 2008. – 424 с.

4. Закон Республики Казахстан «О правах ребенка» от 8 августа 2002 года № 345. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000345>

-
5. Сулейменова Г.Ж. О перспективах создания системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37695378#pos=5;-155
 6. Указ Президента Республики Казахстан от 23 августа 2007 года № 385 «Об образовании специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U070000385>
 7. Тайторина Б.А., Богатырева Л.Б. Проблемы организации деятельности ювенальных судов в Республике Казахстан // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2012. - Том 63. - № 3. – С. 80-86.
 8. Указ Президента Республики Казахстан от 19 августа 2008 года № 646 «О Концепции развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009-2011 годы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30200233#pos=2;-37
 9. Указ Президента Республики Казахстан от 4 февраля 2012 года №266 «Об образовании специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних и внесении изменений в некоторые указы Президента Республики Казахстан». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31121738#pos=4;-167
 10. Указ Президента Республики Казахстан от 10 февраля 2016 года № 192 «О создании института Уполномоченного по правам ребенка в Республике Казахстан». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=35121771#pos=0;0

Түйіндеме

Бұл ғылыми мақалада Қазақстан Республикасында ювеналды әділет жүйесінің қалыптасуы мен дамуының негізгі аспектілері қарастырылады. Қазақстанда ювеналдық әділет жүйесін жүйелі ресімдеу қажеттігі негізделеді, «ювеналдық әділет» ұғымының мазмұны мен көлемін анықтаудың әртүрлі теориялық тәсілдері талданады. Ювеналды мекемелердің қазіргі жүйесінің кемшіліктеріне назар аударылады және Қазақстан Республикасында ювеналды әділет жүйесін неғұрлым ұтымды және жүйелі қалыптастыру жолдары ұсынылады. Ювеналды мекемелердің қазіргі жүйесінің кемшіліктеріне назар аударылады және Қазақстан Республикасында ювеналды әділет жүйесін неғұрлым ұтымды және жүйелі қалыптастыру жолдары ұсынылады.

Summary

This scientific article discusses the main aspects of the formation and development of the juvenile justice system in the Republic of Kazakhstan. The author substantiates the need for systematic registration of juvenile justice in Kazakhstan, analyzes different theoretical approaches to determining the content and scope of the concept of "juvenile justice". Attention is drawn to the shortcomings of the existing system of juvenile institutions, and the ways of the most rational and systematic formation of juvenile justice in the Republic of Kazakhstan are proposed.

ВЛИЯНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ПРАВА НА КОНЦЕПЦИЮ ПРАЙВЕСИ В СТРАНАХ АНГЛО-САКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

В данной научной статье рассматривается защита права человека на частную жизнь в американской юридической доктрине. Обосновывается, что американские правоприменители и исследователи, определяют категорию приватность (privacy), как многоаспектное понятие характеризующее неприкосновенность частной жизни, играющую важную роль в обеспечении прав человека. Анализ судебной практики, представленной в прецедентах показал, что приватность это центральная задача правозащитного механизма, требующая охраны. Несмотря на достаточную динамичность правозащитного механизма неприкосновенности частной жизни в США, она значительно проигрывает в эффективности и надежности европейской.

Ключевые слова: прайвеси, приватность, неприкосновенность частной жизни, права человека, США, судебный прецедент, конфиденциальность, личная и семейная тайна.

Одна из основополагающих категорий современных правовых систем, приватность (privacy), появившееся в результате деятельности английских судов, получила развитие в американской юридической доктрине. На сегодняшний день, защита права человека на частную жизнь (право на приватность) является одним из основных задач правовой системы любого демократического государства.

Об этом, пишут исследователи данной проблемы: «Право на частную жизнь упрочило свои позиции в США в конце 19 века и в настоящее время признается подавляющим большинством государств. И хотя изначально право на частную жизнь в США являлось британским политическим наследием, судебные решения судов Великобритании по сравнению с решениями американских судей были более консервативными и осторожными» [1, с. 36].

Традиционным подходом в исследовании права на неприкосновенность частной жизни, является анализ доктринального произведения американских юристов S.D. Warren и L.D. Brandies - «The Right to Privacy» (Сэмюэл Уоррен и Луи Брандэйс «Право на частную жизнь») [2, с. 193-220]. Идея о частной жизни и необходимости ее защиты, высказанная в данном исследовании, явилось следствием действий средств массовой информации, которые печатали фотографии и сведения о частной и семейной жизни лиц без их разрешения. Данные исследователи, выделяя новую сферу правовой реальности, говорят о необходимости ее защиты и законодательного регулирования вмешательства в нее. Анализируя проблему приватности, Уоррен и Брандэйс, констатировали отставание правового регулирования от технологического процесса (развитие печатного производства, использование фотокамер и записывающих устройств). Благодаря развитию технологий, и их использованию, появились новые возможности распространение сведений, составляющих личную тайну человека, и это явно требовало вмешательство закона.

В основу концепта неприкосновенности частной жизни, положена попытка Уоррена и Брандэйса, определить, насколько имеющиеся правовые механизмы удовлетворяют потребность в защите данного права. Поэтому они сформировали ряд критерий, с помощью которых можно определить сферу частной жизни и ее границы. Во-первых, информация о личности, не должна представлять общественный интерес; во-вторых, в распространении информации, отсутствовало разрешение личности, к которому она имеет отношение; в-третьих, должен быть причинен реальный ущерб, даже если отсутствовал умысел и информация является правдивой. Затем они пришли к обоснованному заключению, что, «защита наших мыслей, чувств и эмоций, выраженных письменными или художественными средствами, состоит в защите от незаконной публикации, что является элементарным, обычным действием по защите личных прав человека» [2, с. 196].

Попытки, определить характерные черты сферы частной жизни, мы видим доктринальные попытки американских исследователей, обосновать легитимность вторжения в частную сферу, в аспекте запрета на распространение информации без согласия лица.

И.М. Хужокова, обращает внимание, что «С.Д. Уоррен и Л.Д. Брэндайс рассматривали прайвеси как следствие трансформации права собственности» [3 с. 109]. Справедливость ее мнения, подтверждается тезисом, который вывели в своем исследовании, Уоррен и Брандэйс: «Каждый индивидуум имеет право на полноценную защиту его личности и собственности» [2, с. 195].

Однако согласиться с ее мнением, можно лишь частично, и хотим отметить, что большую роль в идее высказанной американскими юристами, сыграло авторское право. Однако, Уоррен и Брандэйс оговариваются, что предметом защиты в неприкосновенности частной жизни, иной характер, нежели в праве собственности или в авторском праве. Они отмечали: «современное предпринимательство и технические нововведения, вторгаясь в частную жизнь, причиняют душевную боль и страдания, гораздо более серьезные, нежели те, которые могут быть причинены простым физическим насилием» [2, с. 196].

Таким образом, они рассуждали о частной жизни как личном неимущественном праве, требующим защиты гражданско-правовыми средствами, путем возмещения причиненного морального или эмоционального вреда.

Это был, безусловно, революционный шаг, поскольку в XIX веке, гражданское право защищало только «типичные», имущественные интересы и не склонно было признавать категорию морального вреда, то есть вреда, который не может быть рассчитан в денежном виде. В этом и наблюдается различие с правом собственности, которое, несомненно, оказало влияние на появление права на неприкосновенность частной жизни. Теперь же перед гражданским правом стояла новая задача: помимо охраны человека в его типичных интересах, дать охрану конкретной личности во всем богатстве ее своеобразных особенностей. Постепенно эта теоретическая идея осознавалась судьями и законодателями, и медленно, с оговорками, право на неприкосновенность частной сферы получило признание в судебной практике.

Анализируемое произведение, безусловно, определила тенденции развития общего американского права в сфере защиты неприкосновенности частной жизни, и стала фундаментальной основой развития данного права в странах континентальной и англо-саксонской правовых систем.

И главное, что получила современная правовая наука, от американских юристов Уоррена и Брандэйса, является понятие прайвеси (privacy) - право быть

оставленным в покое или право быть предоставленным самому себе (right to be let alone).

Приватность (privacy) явилось объектом исследования в трудах еще одного американского ученого, Алана Вестина (Alan F. Westin). В своем научном труде «Приватность и свобода», он рассуждает о четырех формах приватности: 1) «уединение» – состояние, в котором человек избавлен от наблюдения со стороны других; 2) «интимность» – замкнутое общение, предполагающее добровольное поддержание контакта с узким кругом лиц; 3) «сдержанность» – то есть наличие психологического барьера между индивидом и окружающими его людьми; 4) «анонимность» – состояние, когда человек, находясь в общественном месте, стремится остаться неузнанным [4. 166].

Данная категория, не имеющая аналогов в русском языке, и позволяющая выразить широту понимания частной жизни, сегодня позиционируется американскими судебными органами, как «начало всех прав», подразумевая, что она находится в основе осуществления прочих субъективных прав.

Как считает Уильям К Хеффернан (Heffernan W.C.), в своем исследовании «Privacy and the American Constitution: New Rights Through Interpretation of an Old Text», приватность можно назвать «пучком» (bundle) всех прав [5, с. 103].

И уже сегодня, американские юристы включают сюда и такие понятия, как право человека контролировать «собственное жизненное пространство», «собственную личность», «информацию о самом себе» [6, с. 55–58].

Как подчеркивает С.Л. Сергеева, из всех личных прав граждан в США «privacy» является самым ярким образцом реализации правотворческой функции Верховным судом США [7, с. 129].

С учетом изложенного, можно признать, что категория приватность (privacy), представляет собой многоаспектное понятие характеризующее неприкосновенность частной жизни, играющую важную роль в обеспечении прав человека.

Формулировка прайвеси как права «быть оставленной в покое» просто описывает один из его признаков. Такое понимание данного права неспособно объяснить его важность для обеспечения свободы слова, действенного правосудия и многих других политико-правовых ценностей. Фраза «быть оставленным в покое» не раскрывает нам тех вопросов, в которых мы, собственно, и должны быть оставлены в покое.

Приватность (privacy), как право быть оставленным в покое эта сфера частной жизни, которая по своей природе имеет внутренне замкнутый характер. Одновременно элементы, которыми охвачена частная сфера жизни человека, являются достаточно широкими. Поэтому размеры границ сферы частного не имеют жесткого очерчивания. Они могут сужаться или расширяться по мере необходимости для каждой личности.

«Прайвеси», то есть право быть в одиночестве, – это право человека быть свободным от необоснованной гласности, право жить без необоснованного вмешательства общества в дела, которые не обязательно касаются его. Выражение «право частной жизни» («прайвеси») в общем понятии впитывает различные права, признанные неотъемлемыми учитывая распоряжение свободой. И такое право не допускает правительственного вмешательства в интимные личные отношения или занятия, в свободу человека делать собственный выбор, включая его семью и его отношения с друзьями. Верховный Суд Америки признал, что в сфере частной жизни

могут быть созданы гарантии, которые ограничивали бы государственную власть [8, с. 1195].

Под «privacy» понимаются все те аспекты жизни человека, которые подлежат безусловной правовой охране от каких-либо посягательств извне (будь то со стороны государства или других индивидов): интимный мир человека, сфера его личных отношений, в том числе семейная жизнь, убеждения, личные права, неприкосновенность личности, жилища, корреспонденции, репутация, личные неформализованные связи с другими людьми, религиозные и политические убеждения [9, с. 44].

Данный тезис подтверждает, что человеку необходима «зона безопасности», и это не просто личная преференция, это важное требование эффективности всей социальной структуры общества. Право на неприкосновенность частной жизни и создает эту зону безопасности, вводя пределы для различных видов социального контроля над личностью. Оно обеспечивает человеку личную автономию и независимость.

В США право на неприкосновенность личного пространства считается, фактически, одним из важнейших, однако ряд ученых критикуют эту практику [10, с. 421-471]. Их аргументы базируются на разных посылах, однако в каждом случае они анализируют примеры из реальной юридической практики. Ряд критиков утверждает, что право на прайвеси в некоторых случаях противоречит праву других граждан на безопасность (например, не давая правоохранительным органам и спецслужбам прослушивать телефонные переговоры лиц, которых они считают преступниками или террористами). Некоторые исследователи критикуют «экономическую» составляющую прайвеси. Их логика такова: если частная информация о человеке имеет денежное выражение, то стоимость этой информации зависит от важности (должности, репутации, авторитета и др.) человека. К числу наиболее яростных критиков прайвеси относятся некоторые американские феминистки, которые утверждают, что это право, которое утаивает обычаи семейной жизни, делает беззащитными жертв домашнего насилия.

Исследуя законодательное закрепление данной категории в странах англосаксонской правовой системы, следует указать, что конституции обычно не содержат прямого указания на существование права на частную жизнь. Поэтому в США, неприкосновенность частной жизни, выводится из судебного толкования ряда статей Билля о правах.

Таким образом, основной закон Америки, не закрепляет в своих нормах, право на частную жизнь, поскольку оно признанное юридической доктриной, вводится в правовой оборот судебной практикой и некоторыми законодательными актами, посвященные непосредственно этому праву.

А.Х. Ульбашев, по данному поводу констатирует: «Читая сегодня актуальный текст Конституции США (с учетом поправок), мы также не обнаруживаем в нем слово «приватность». Последнее обстоятельство уже кажется достаточно странным, поскольку даже при беглом ознакомлении с американской прецедентной практикой (начиная со второй половины XX в.) можно без труда увидеть, что суды не только активно используют понятие приватности, но ссылаются именно на Конституцию как на фундаментальную основу и каркас права на приватность» [11, с. 95].

Если обратить внимание на судебную практику, в отношении права на неприкосновенность частной жизни, то можно выделить ряд прецедентов, которые сыграли важную роль в ее развитии. Это наиболее известные прецеденты Верховного

суда США, которыми он реализовал себя в конституционном правотворчестве, легализуя права, о которых не упоминается в Основном законе.

1. «Кац против США» («Katz v. United States») (1967 год), дело получившее известность благодаря четвертой поправке к Конституции. В данном деле, суть заключается в том, что в суд допущено доказательство, предоставленное агентами ФБР, в виде записи телефонных переговоров. Верховный Суд США отклонил обвинительный приговор по данному делу, а именно отклонил подход «о вторжении в собственность» и выработал стандарт «ожидание конфиденциальности» (expectation of privacy) применения IV поправки.

Как пишут исследователи: «в деле Катца установлено, что правительство электронным способом контролировало беседу без согласия кого-либо из ее участников» [12, с. 296].

2. «Стэнли против штата Джорджия» («Stanley v. Georgia») (1969 год) [13], дело рассмотренное Верховным Судом США в свете 1-й и 14-й поправки к Конституции США, о хранении дома материалов порнографического характера. Решение суда было однозначным: «штату не должно быть дела до того, какие книги читает и какие фильмы смотрит человек, находящийся в собственном доме».

3. «Доу против Чао» («Doe v. Chao») (2004 год) [14], дело, где решение Верховного суда США интерпретировало положение о возмещении ущерба, за нарушение права на частную жизнь, предусмотренное Законом о конфиденциальности 1974 года. То есть, лицу обязаны выплатить минимальную компенсацию за ущерб в размере 1000 долларов США, за нарушение его права на частную жизнь. Если, лицо считает, что сумма компенсации должна быть больше, то ее размер подлежит доказыванию.

4. «Грисвольд против Коннектикута» («Griswold v. Connecticut») (1976 год), дело, где решение Верховного суда США, подтвердило конституционное право личности на неприкосновенность частной жизни. Спор был о признании неконституционным законодательного акта штата Коннектикут, запрещавшего продажу средств контрацепции. Данное дело, характеризуется фразой, которую цитируют часто: «Мы здесь имеем дело с «privacy», которое по возрасту старше Библия о правах - оно старше наших политических партий, старше нашей школьной системы...» [15, с. 35].

Можно продолжать этот перечень судебных разбирательств, которые подтверждали в своих решениях существование и защиту права на частную жизнь, и ее неприкосновенность.

Выработанные американской судебной системой прецеденты, демонстрируя процесс эволюции прайвеси, дает основание полагать, что суть идеи заключалась в необходимости защиты человеческой индивидуальности. Суды очень тщательно пытались реализовать идею прайвеси, хотя не имели четкого представления о характере, формах, проявлениях человеческой индивидуальности и каковы пределы ее защиты должны быть предусмотрены.

В итоге, сложилась американская модель права на неприкосновенность частной жизни, которую можно охарактеризовать, выделив ряд важнейших признаков: приватность – фундаментальная конституционная ценность; призвана защищать возможность уединения личности; направлено на охрану ее интересов.

Особенность сложившегося судебного правотворчества в американской правозащитной системе в том, что такая деятельность имела обоснованные предпосылки. А именно, имелись сложности с определением содержания права на

частную жизнь. Данная категория, не получив законодательного определения ее содержания, аккумулировала в себе разнородный круг интересов, которые необходимо было легализовать как элементы права неприкосновенности частной жизни.

Американская правовая система, в решении данной проблемы, пошла по пути детализации содержания права на частную жизнь, не через закрепления правомочий индивида в законодательстве, а выявлением и разрешением нарушений, которые находятся в сфере защиты данного права.

Анализ практики американских судов, позволяет дифференцировать нарушения в сфере частной жизни и сгруппировать их:

- вмешательство в частную сферу личности, путем посягательств на уединение и покой;
- разглашение информации личного характера, раскрывающие ту часть жизни, которую человек хотел сохранить в конфиденциальности;
- использование изображения или имени лица, без получения на это согласия;
- распространение заведомо ложной информации о лице.

Кроме необходимости определения содержания права на частную жизнь, была и вторая сторона проблемы – выработать пределы ограничений частной жизни, что бы обеспечить баланс интересов личности, общества и государства. Поэтому судебные прецеденты решали и эту задачу.

Выработанная судебная практика с широкой интерпретацией права на частную жизнь, представленной в прецедентах – это убедительная иллюстрация того, что приватность как центральная задача правозащитного механизма, требует охраны. Необходимость решения данной задачи, привела к законодательной регламентации защиты неприкосновенности частной жизни. Кроме того, появление новых угроз неприкосновенности частной жизни, обусловленное развитием информационных технологий, требует определенной конкретизации в выработке адекватного механизма противодействия им.

Поэтому, в настоящее время, правовая система США, представлена целым комплексом законодательных актов о защите частной жизни.

Характеризуя правовую регламентацию отношений в сфере неприкосновенности частной жизни, и ее защите в США, требуется упомянуть Закон «О свободе информации», который был введен в действие в 1966 году, с датой вступления в силу 4 июля 1967 года [16]. Конечно, данный правовой акт, не был непосредственно направлен на защиту частной жизни, однако в нем выделялось ряд положений, которые ставят целью ее охрану, а именно запрет на разглашение личной информации конфиденциального характера. Эти положения предусматривают охрану от вмешательства в частную жизнь и позволяют решать вопросы, которые в другом случае в основном приводят к судебным процессам. Все эти положения, запрещенные к разглашению, были приняты в ответ на общественные конфликты, которые возникли между ценностями демократического правления и обеспечением неприкосновенности частной жизни.

Еще одним правовым документом в сфере защиты неприкосновенности частной жизни, является Code of Fair Information Practice (Кодекс честной информационной практики), датированный 1973 годом.

В основе данного Кодекса честной информационной практики сформулированы пять принципов, которые в дальнейшем, были включены в Закон о неприкосновенности частной жизни 1974 года: не должно быть систем учета личных

данных, само существование которых является секретным; у человека должен быть способ узнать, какая информация о нем содержится в записи и как она используется; у человека должен быть способ предотвратить использование информации о человеке, полученной для одной цели, или доступной для других целей без его согласия; у человека должен быть способ исправить или изменить запись идентифицирующей информации о нем; любая организация, создающая, поддерживающая, использующая или распространяющая записи идентифицируемых персональных данных, должна гарантировать надежность данных для их предполагаемого использования и должна принимать меры предосторожности для предотвращения неправомерного использования данных [17].

Закон США о защите частной жизни 1974 года, содержит нормы направленные на регулирование процедуры обращения с личной информацией, детально регламентирует порядок сбора, обработки, хранения и использования информации о лице. Также уделяется внимание к доступу информации о частной жизни лица, хранящейся в базах федеральных органов.

Нельзя обойти вниманием, те изменения, которым подверглась сфера частной жизни, что явилось следствием ужесточения антитеррористического законодательства, после событий 11 сентября 2001 года. Произошедший террористический акт, перевернул представления американцев, для которых озабоченность защитой частной жизни оказывалась сильнее, чем страх перед террористическими актами. Однако события последних лет заставили США, да и многие другие государства, прибегнуть к жестким методам борьбы с терроризмом, даже путем легализации вмешательства государства в частную жизнь граждан. Уже сняты некоторые ограничения на прослушивание телефонных разговоров, перлюстрацию электронной почты и отслеживание банковских операций.

Результатом длительных обсуждений, стало принятие законодательного акта «О сплочении и укреплении Америки путём обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» - «Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act» [18] (Акт о патриотизме или Патриотический акт).

О.В. Романовская, исследовав Акта о патриотизме, вывела ряд положений, затрагивающих право на неприкосновенность частной жизни:

1. Акт учредил специальный центр ФБР, главная цель которого обеспечить проведение технических антитеррористических мероприятий.

2. Акт дал определение «кибертерроризму», который все активнее используется различными террористическими организациями.

3. Была осуществлена значительная корректировка Закона 1978 г. о наблюдении за деятельностью иностранных разведывательных служб в США. Акт о патриотизме ввел изменения в правила получения ордера на осуществление электронного наблюдения.

4. Акт о патриотизме ввел правовую основу под уже действовавшую программу ФБР глобальной слежки с помощью автоматической системы шпионажа «Carnivore», вскрывающей и анализирующей информацию с интернет-страниц и серверов электронной почты [19].

Этим документом введен ряд законодательных изменений, которые значительно увеличили полномочия правоохранительных органов США по наблюдению за поведением граждан и ее фиксации за отсутствия адекватной

системы «сдержек и противовесов», которая могла бы защитить гражданские права и свободы американцев.

Таким образом, в США введен ряд законодательно закрепленных положений, о существенном расширении полномочий правоохранительных служб, относительно прослушивания переговоров, сбора персональных данных, электронной слежки и др. Однако, учитывая цель этого законодательного акта, можно было бы отметить, что действия, направленные на вмешательство в сферу личной жизни, вполне оправданы. Это обусловлено тем, что эта операция санкционирована государством для охраны своих граждан от внутренних угроз.

Однако, институты гражданского общества, выражают озабоченность изменениями законодательства подобного рода, поскольку считают, что они не лучшим образом сказываются на обеспечении неприкосновенности частной жизни и в целом на защите прав и свобод личности.

На фоне событий происходящих в мировой практике, полагаем, что ужесточение антитеррористического законодательства не должно становиться поводом для ограничения гражданских свобод и отходом от ценностей, которые были положены в основу законодательства суверенных государств.

В настоящее время, в США действует большое количество федеральных законов, которые охраняют неприкосновенность частной жизни в различных отраслях общественной жизни: здравоохранение, банковская и правоохранительная системы и др. Однако большинство таких законодательных актов имеет локальный характер, и действуют только на определенной территории. В США каждый штат имеет свое законодательство, которое хоть и придерживается определенных традиционных норм права, установленных федеральным законодательством, но имеет свои принципиальные положения, которых может не быть в других штатах. Отдельные случаи прайвеси включаются в правила профессиональной этики (в частности врачебная тайна, тайна исповеди или адвокатская тайна), которые вместе с уголовно-процессуальным законодательством защищают соответствующие сведения от обнаружения.

В числе правовых документов, направленных на обеспечение и защиту неприкосновенности частной жизни, можно назвать следующие законы США: Закон «Об обеспечении безопасности ЭВМ» 1987 года [20]; Закон «О свободе электронной информации» 1996 года [21]; Закон «О передаче данных медицинского страхования и отчетности» 1996 года [22]; Закон «Об охране онлайн-персональных данных детей» (COPPA) 1998 года [23]. Важным нормативным актом, который действует в отношении контроля частной жизни иностранных лиц, является Закон о наблюдении за деятельностью иностранных разведывательных служб в США 1978 года.

Изложенное, свидетельствует, что процесс эволюции права на частную жизнь в американской правовой системе, можно проследить от первоначального признания в юридической доктрине и судебной практике, до закрепления в целом комплексе конституционных, федеральных и локальных нормативно-правовых актах, всесторонне регулирующих защиту неприкосновенности частной жизни в различных областях общественной деятельности. Особенности становления и функционирования целостной концепции прайвеси, отражают влияние прецедентного права, что является закономерностью развития американского права.

Итак, на сегодня право на неприкосновенность частной жизни (прайвеси) рассматривается как одно из основополагающих прав человека, хотя оно специально и не упоминается в американской Конституции 1787 года, а Верховный суд США

признал его существование в ограниченном объеме. Американским исследователям и судьям Верховного суда удалось вывести это право из содержания нескольких поправок к Конституции – так называемого Билля о правах, аргументируя свою позицию тем, что определенные идеи «отцов-основателей» американской конституции не получили четкого закрепления в виде специальных статей или норм, а оказались «растворенными» в общем тексте. По мнению сторонников прайвеси, это право логически вытекает из содержания Первой, Третьей, Четвертой и Пятой поправок к Конституции США, если толковать их системно.

Таким образом, прайвеси в США на начальном этапе (конец XIX – начало XX ст.) сформировалось как научная концепция («право быть оставленным в покое»), которая впоследствии была воспринята судебным корпусом и введенная в правоприменительную деятельность. Ведущую роль в объективации данного права сыграла прецедентная практика американских судов. При этом сам процесс признания прайвеси судебной практикой США был долгим. К настоящему времени судами США приняты десятки решений прецедентного характера, с помощью которых продолжается конкретизация содержания и объема прайвеси с учетом стремительных перемен в общественном развитии. В законодательстве США прайвеси получил непосредственное закрепление в 1974 г., однако до сих пор единого, кодифицированного документа в данной сфере в этой стране не существует; зато действует ряд законодательных актов отраслевого характера, направленных обезопасить прайвеси в конкретных сферах деятельности учреждений и организаций публичного и частного секторов. После событий 11 сентября 2001 года ситуация с обеспечением прайвеси в США неуклонно ухудшается. Наиболее угрожающей является ситуация в сфере перехвата коммуникаций и видеонаблюдения.

Список литературы:

- 1 Moutaue I. Право на неприкосновенность частной жизни в англосаксонской правовой системе (на примере США и Великобритании) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. -2009. - Выпуск 4. - С. 36 – 43.
- 2 Warren S.D., Brandéis L. The Right to Privacy // Harvard Law Review. - 1890. - Vol. 4. - №. 5. - P. 193-220.
- 3 Хужокова И.М. Право на частную жизнь в юридической доктрине США // Закон и право. – 2007. - № 8. – С. 109-111.
- 4 Westin, Alan F., Privacy and Freedom // Washington & Lee Law Review. - Volume 25. - Issue I, 1968. - P.166.
- 5 Heffernan W.C. Privacy and the American Constitution: New Rights Through Interpretation of an Old Text. Cham: Palgrave Macmillan, 2016. – 294 p.
- 6 Власихин В. Феномен Верховного суда США: Американский ареопаг в первом доме на первой улице // Российская юстиция. - 2000. - №11. - С. 55–58.
- 7 Сергеева С.Л. Развитие конституционного судебного правотворчества в США (конец XIX — начало XXI вв.): дис. ... канд. юрид. наук. - Курск, 2012. - 208 с.
- 8 Black H.C. Black's Law Dictionary / H.C. Black. – [6-th ed.] – st. Paul Minn:West Publishing Co., 1990. – 1195 p.
- 9 Петрова Е.А. Механизм конституционного правотворчества в США как проявление конвергенции в праве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. - 2017. - Т. 21. - № 1. – С. 28–52.
- 10 Gavison R. Privacy and the limits of law // Yale law journal. – 1980. – Vol. 89. – P. 421-471.

-
- 11 Ульбашев А.Х. Эволюция доктрины приватности (privacy) в американском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. -2018. - № 2. - С. 93 – 98.
- 12 Пастухов П.С., Борисевич Г.Я. Основания для ограничения прав граждан при производстве обыска в уголовном судопроизводстве США и их конституционная защита // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2018. - Вып. 40. - С. 290–318.
- 13 Stanley v. Georgia, 394 U.S. 557 (1969). // <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/394/557/>
- 14 Doe v. Chao, 540 U.S. 614 (2004) // <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/540/614/>
- 15 Франковски С., Гольдман Р., Лентовска Э. Верховный Суд США. Права и свободы граждан. - Польша: БЕГА, 1996. - 254 с.
- 16 Freedom of Information Act amendments of 1996 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.justice.gov/oip/foia_updates/Vol_XVII_4/page2.htm.
- 17 The Code of Fair Information Practices [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://epic.org/privacy/consumer/code_fair_info.html
- 18 Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001 // https://www.dni.gov/files/NCSC/documents/Regulations/Patriot_Act_PL_107-56.pdf
- 19 Романовская О.В. Акт о патриотизме: ограничения права на неприкосновенность частной жизни в США в целях противодействия терроризму. // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». - 2017. – Т.5. - №2 (18). [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/romanovskaya_ov_17_2_02.pdf
- 20 Socolar M. J. The Computer Security Act of 1987 : statement before the Subcommittee on Legislation and National Security Committee on Government Operations House of Representative / M. J. Socolar // 1987. – P. 1–8 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://archive.gao.gov/d39t12/133500.pdf>.
- 21 Freedom of Information Act : § 552 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.justice.gov/oip/foia_guide07/text_foia.pdf.
- 22 Health Insurance Portability and Accountability Act of 1996 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.cms.gov/HIPAAGenInfo/Downloads/HIPAAALaw.pdf>.
- 23 Children’s Online Privacy Protection Act of 1998 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ftc.gov/ogc/coppa1.htm>.

Түйіндеме

Бұл ғылыми мақалада американдық заң доктринасында адамның жеке өмірге құқығын қорғау қарастырылады. Американдық құқық қолданушылар мен зерттеушілер (privacy) құпиялылық санатын жеке өмірге қол сұғылмаушылықты сипаттайтын, адам құқықтарын қамтамасыз етуде маңызды рөл атқаратын көпәспектiлi ұғым ретiнде анықтайтыны негiзделедi. Прецеденттерде ұсынылған сот практикасы талдау құпиялылық қорғауды талап ететiн құқық қорғау тетiгiнiң орталық мiндетi екенiн көрсеттi. АҚШ-та жеке өмiрге қол сұғылмаушылықтың құқық қорғау тетiгiнiң жеткiлiктi динамикалығына қарамастан, ол тиiмдiлiгi мен сенiмдiлiгiнде еуропалыққа айтарлықтай ұтылады.

Summary

This scientific article examines the protection of the human right to privacy in the American legal doctrine. It is proved that American law enforcement officials and researchers define the category of privacy as a multidimensional concept that characterizes privacy, which plays an important role in ensuring human rights. Analysis of judicial practice presented in precedents has shown that privacy is a Central task of the human rights mechanism that requires protection. Despite the sufficient dynamism of the human rights mechanism for privacy in the United States, it significantly loses in the effectiveness and reliability of the European one.

УДК 342.951:343.121.5(574)

Мусабаев М.К.,
докторант
Варненский Свободный
Университет «Черноризец Храбър»

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В данной научной статье рассматриваются правовые проблемы укрепления роли семьи, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактика семейного неблагополучия. Рассматривается, что в Республике Казахстан одной из основных проблем в области защиты детства выделяются распространённость семейного неблагополучия, жестокого обращения с детьми и всех форм насилия. Указывается, что существует проблема ответственного воспитания родителями своих детей. Обосновывается, что необходимо проводить адресные мероприятия профилактической направленности в решении указанных проблем и конкретизировать административную ответственность законных представителей несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, родители, законные представители, воспитание детей, семейное неблагополучие, административная ответственность.

Содержание нормативно-правовых актов международного и национального уровня направлено на укрепление роли семьи, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику семейного неблагополучия. Обусловлено это тем, что одним из важных тенденций развития социальной политики государств, является создание эффективного механизма соблюдения и реализации прав и законных интересов детей.

Многие современные государства сталкиваются с распространённостью семейного неблагополучия, как одной из основных угроз социальной государственной политики. В свою очередь, она влечет тяжкие последствия для детей, которые выражаются в детской безнадзорности и беспризорности, социальном сиротстве, алкоголизме и наркомании подростков, насилию в отношении детей.

Современное общество озабочено проблемами семейного неблагополучия, поскольку оно является основной причиной деформации процесса социализации ребенка и его полноценного всестороннего развития, подталкивает к девиантному

поведению. В этой связи особую актуальность приобретает усиление роли законных представителей несовершеннолетних, поскольку на них лежит важная социальная роль – обеспечение семейного благополучия.

Конституция Республики Казахстан (п. 2 ст. 27 Конституции Республики Казахстан) обеспечивает на защиту детства, основываясь на принципах: приоритета семейного воспитания детей, заботы об их развитии и благосостоянии; приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних; обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав.

В Конституции Республики Казахстан, правовое положение ребенка просматривается через призму семьи, материнства и родителей, что обусловлено естественным приоритетом института семьи.

Следует отметить, что и в предыдущих актах конституционного уровня, закреплялся авторитет семьи и семейного воспитания. Конституция Казахской ССР 1978 года [1] уже закрепила правовую защиту материальной и моральной поддержки материнства и детства в Казахской ССР (статья 33). Можно выделить две новеллы прогрессивной направленности, это то, что семья находилась под защитой государства (статья 51) и обязанность граждан заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами общества и, главное, обязывающая детей, причем независимо от возраста, заботиться о родителях и оказывать им помощь (статья 64). Нельзя не упомянуть и о 40 статье Конституции 1978 года, установившей «особую заботу о здоровье подрастающего поколения, включая запрещение детского труда, не связанного с обучением и трудовым воспитанием». Конституция Республики Казахстан 1993 года [2], содержала главу 9, посвященную институту семьи. В различных статьях данной главы, предусматривалось, что семья и детство находятся под защитой общества и государства, обязанность родителей и лиц, их заменяющих, содержать, воспитывать и обучать детей, обеспечение содержания, воспитания и обучения детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения, поощрение благотворительной деятельности по отношению к детям. И главное, характер и формы воспитания и обучения детей не должны были ущемлять интересы ребенка.

Административно-процессуальное законодательство, устанавливающее правовой статус законных представителей несовершеннолетних, тесно связано с положениями семейного законодательства. Согласно статье 71 Кодекса РК об административных правонарушениях: «Родители являются законными представителями своего ребенка и выступают в защиту его прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в суде, без специальных полномочий» [3]. В этой связи, юридическая природа административно-процессуального статуса родителей и (или) законных представителей несовершеннолетних требует более детального изучения.

Согласно ч. 2 ст. 746 Кодекса РК об административных правонарушениях: законными представителями физического лица признаются родители, усыновители, опекуны, попечители и иные лица, на попечении или иждивении которых оно находится [3].

В соответствии с п.12 ст.1 Кодекса РК браке (супружестве) и семье: законные представители ребенка - родители (родитель), усыновители (удочерители), опекун или попечитель, приемный родитель (приемные родители), патронатный воспитатель и другие заменяющие их лица, осуществляющие в соответствии с законодательством Республики Казахстан заботу, образование, воспитание, защиту прав и интересов

ребенка [4]. Аналогичный перечень законных представителей содержится в п.6 ст. 1 Закона РК «О правах ребенка» [5].

Анализируя данные нормы, мы видим, что в Кодексе РК браке (супружестве) и семье и Законе о правах ребенка перечень законных представителей, шире, поскольку перечислены и приемный родитель (приемные родители), и патронатный воспитатель, в то время как КоАП РК обходится обобщающим термином «иные лица, на попечении или иждивении которых находится несовершеннолетний». В целях преодоления неоправданных различий в терминологии, ясности и точности языка закона, для обеспечения единообразного понимания терминологии, используемой в различных отраслях права необходимо внести терминологическое уточнение, что позволит исключить возможную путаницу при решении разных вопросов, связанных с законными представителями.

В правовой литературе, есть мнение, что при перечислении законных представителей несовершеннолетнего, необходимо конкретизировать, что под «другими заменяющими лицами, осуществляющими заботу, образование, воспитание, защиту прав и интересов ребенка» понимаются должностные лица. В частности, А.О. Долгова, считает, что к законным представителям несовершеннолетних должны относиться родители, усыновители, опекуны, попечители, патронатные воспитатели, а также должностные лица, постоянно, временно или по специальному назначению осуществляющие функции по содержанию, воспитанию защите прав и законных интересов несовершеннолетних [6, с. 67].

Позволим не согласится с ее позицией. В примечании ст.30 КоАП РК под должностными лицами, понимаются «лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие или осуществлявшие на момент совершения административного правонарушения функции представителя власти либо выполняющие или выполнявшие на момент совершения административного правонарушения организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных учреждениях, субъектах квазигосударственного сектора, органах местного самоуправления» [3]. Мы считаем, что формулировка принятая в законодательстве («другими заменяющими лицами, осуществляющими заботу, образование, воспитание, защиту прав и интересов ребенка») трактуется гораздо шире, чем термин «должностное лицо». Сюда можно отнести и воспитателей, нянь, учителей и др.

Статья 3 Конвенции ООН о правах ребенка закрепляет: «при совершении любых действий в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка» [7]. В первоочередной степени, со стороны родителей опекунов или других лиц, несущих ответственность за несовершеннолетних по закону, поскольку ребенок во время своего роста и развития нуждается в поддержке со стороны родителей.

Интересный опрос провел Центр исследований Сандж в рамках исследования по оценке благополучия детей. Он оценил готовность родителей помочь собственным детям, когда им это необходимо. Вопрос задавался непосредственно детям, чтобы узнать мнение детей. По данным опроса в среднем 5,7% детей считают, что родители не помогут им в случаях, когда им будет необходима помощь [8, с. 60].

В Республике Казахстан насущна проблема семейного неблагополучия. Согласно официальной статистике МВД РК, количество семей, состоящих на учете МВД в качестве неблагополучных, сокращается, но незначительно. Так, если в 2011 году таких семей было 12 866 (32 семьи на 10 000 семей), то в 2017 году – 10 498 (26 семей на 10 000 семей), сокращение на 18% (на 2368 семьи), за год с 2016 года – 8.8% [8, с. 54]. На конец 2018 года на учете органов внутренних дел состояло 9 137 неблагополучных семей, в которых воспитываются 14 049 детей.

Анализ изменения количества неблагополучных семей в разрезе регионов показывает нестабильность снижения/увеличения неблагополучия по регионам, что говорит о шаткости положения в семьях, которое, в случаях изменения внешних факторов, может ухудшиться, либо улучшиться. Например, количество неблагополучных семей в Костанайской области в 2011 году было 35 на 10 000, в 2016 году их стало 69, а в 2017 году – 71 семья на 10 000. В Акмолинской области отмечается рост показателя со скачком в 2016 году. Южно-Казахстанская область, традиционно считающаяся хранительницей национальных традиций, в последние годы показывает рост неблагополучных семей: если в 2011 году было зарегистрировано 9 семей на 10 000, то в 2017 году 25,4 семьи [8, с. 54].

Можно утверждать, что в числе основных проблем в государстве в области защиты детства выделяются распространенность семейного неблагополучия, жестокого обращения с детьми и всех форм насилия. Проблема ответственного воспитания родителями своих детей главная проблема современного общества. Именно поэтому, исследуя административно-правовой статус законных представителей несовершеннолетних, необходимо уделять внимание, не только уже совершенным фактам нарушения ими своих обязанностей, но и учитывать опасность социальных последствий, влияющих на несформированную систему ценностных ориентаций несовершеннолетних.

В Кодексе РК об административных правонарушениях предусматривается привлечение к ответственности родителей или иных законных представителей несовершеннолетних за неисполнение обязанностей по воспитанию, повлекшее употребление алкогольных напитков, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов либо занятие бродяжничеством или попрошайничеством, либо совершение им умышленного деяния, содержащего признаки уголовного либо административного правонарушения.

В целом, институт административной ответственности родителей или законных представителей это важный и значимый потенциал в механизме обеспечения прав и законных интересов детей. Роль семьи в современном обществе еще сохраняет главенствование и имеет ценность, в связи с чем, меры в виде лишения родительских прав или отстранения законных представителей от исполнения возложенных на них обязанностей, являются исключительными. Что позволяет оценивать институт административной ответственности родителей должным образом, ведь благодаря этому сохраняется право ребенка на совместное проживание с родителями. И можно согласиться с мнением, что это «действенная мера профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [9, с. 6]. Полагаем, что также эффективная мера превенции всех форм насилия в отношении детей.

По официальным данным Комитет по охране прав детей МОН РК в 2018 году было совершено 2125 преступлений по отношению к детям, 2277 несовершеннолетних детей стали жертвами. В 2018 году по сравнению с 2017 годом,

количество преступлений в отношении детей увеличилось на 5,5%, или на 111 случаев. В результате уголовных правонарушений в отношении детей, в 2018 году жертвами уголовных преступлений стало 2277 ребенка, по сравнению с 2017 годом количество пострадавших увеличилось на 7% (на 152 ребенка). Анализ состава преступлений в отношении детей показывает, что по сравнению с 2017 годом в 2018 году увеличилось количество преступлений против половой неприкосновенности детей. Если в 2017 году количество таких преступлений составляло 679, то в 2018 году – 739. В общем количестве всех видов преступлений, доля преступлений данного характера составляет 35%. Особенно наблюдается значительный рост преступлений, связанных с половыми сношениями с детьми (на 38,3%). Отмечается увеличение числа убийств на 7,7%. По-прежнему сравнительно высокие цифры краж, грабежей, хулиганств [10, с. 107-108].

Кроме того, согласно исследованиям, более 75% взрослых в Казахстане поддерживают насильственные формы дисциплинирования детей. 47% детей подвергаются психологической агрессии, 26 - физическому наказанию, а 1 - суровому физическому наказанию [11].

Приведенные данные свидетельствуют о необходимости решения вопроса, как предотвратить нарушение прав и интересов детей, прежде всего от посягательств со стороны родителей.

Вторая сторона проблемы – это увеличение преступности подростков, которые проживают в неблагополучных семьях. В 2018 году было совершено 2949 преступлений несовершеннолетними. В 2018 году было привлечено к уголовной ответственности 3 156 несовершеннолетних (на уровне 2017 г.), из них 7,7% – несовершеннолетние женского пола. Большинство правонарушений (77%) совершается несовершеннолетними в возрасте от 16 до 18 лет, остальные (23%) – подростками 14-15 лет [10, с. 147]. Более половины правонарушителей, это дети из неполных или неблагополучных семей. Просчеты в воспитании, либо его отсутствие приводят к неправильному восприятию детьми нравственных и духовных ценностей. Пьянство, обнищание родителей приводит к преступной активности детей в возрасте 10-13 лет. Существенную роль в происхождении противоправного поведения у подростков играет ситуация, складывающаяся в семье. Его формированию способствуют алкоголизм родителей, асоциальная и антисоциальная семья или компания; безнадзорность; многодетная и неполная семья; внутрисемейные конфликты [12, с. 21].

Таким образом, необходимо вести работу по повышению роли ответственности родителей и иных законных представителей несовершеннолетних за неисполнение обязанностей по воспитанию детей. Полагаем, что существующие меры административных взысканий (предупреждение или административный штраф), применяемые в отношении родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, нарушивших их права и свободы, зачастую малоэффективны и приносят желаемого результата. Хотя нельзя отрицать, что в некоторых случаях, нормативное закрепление санкции уже является достаточным стимулом для исполнения обязанности.

В современном обществе обязанности родителей по воспитанию детей уже выходят за рамки моральных вопросов и переходят в правовое поле. Поэтому возрастает значение юридических механизмов в области привлечения родителей и иных законных представителей детей к административной ответственности за нарушение своих обязанностей по воспитанию. Необходимо разрабатывать

действенную систему мер правовой защиты интересов несовершеннолетних от нарушений со стороны их родителей или иных законных представителей и повышать эффективность института административной ответственности последних.

Список литературы:

- 1 Закон Казахской Советской Социалистической Республики от 20 апреля 1978 года № 3539-IX «О порядке введения в действие Конституции Казахской ССР (прекратил действие)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://continent-online.com/Document/?doc_id=1027296
- 2 Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 года (Утратила силу). Принята на заседании Верховного Совета Республики Казахстан от 28 января 1993 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1010212
- 3 Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235>
- 4 Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве и семье)» от 26 декабря 2011 года № 518-IV. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518>
- 5 Закон Республики Казахстан «О правах ребенка» от 8 августа 2002 года № 345. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000345>
- 6 Долгова А.О. Административная ответственность родителей и лиц, их замещающих, за неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 188 с.
- 7 Конвенция ООН «О правах ребенка». Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon
- 8 Джандосова Ж.С, Байтугелова Н.Ю, Шарипбаева А.Е, Смагулова Ш.А., Кудашева Т.В. Индекс благополучия детей в Казахстане. - Астана, 2018. – 71 с.
- 9 Банщикова, С.Л. Административная ответственность за неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по их содержанию и воспитанию: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / С.Л. Банщикова. – Омск, 2017. – 35 с.
- 10 Доклад о положении детей в Республике Казахстан в 2018 году. - Нур-Султан, 2019. – 192 с.
- 11 Алимтаева А. 7 вопросов о насилии над детьми: Выявление, статистика и возможность обезопасить своего ребенка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://the-steppe.com/razvitie/7-voprosov-o-nasilii-nad-detmi-vyyavlenie-statistika-i-vozmozhnost-obezopasit-svoego-rebenka>
- 12 Профилактика безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних: практическое пособие для социальных педагогов, специалистов по социальной работе / авт.- сост. Л.Н. Смотрова, П.А. Шацков. – Саратов, 2007. – 80 с.

Түйіндеме

Бұл ғылыми мақалада отбасының рөлін нығайтудың құқықтық мәселелері, отбасы мен қоғамдағы ата-ананың беделін арттыру, отбасылық қолайсыздықтың

алдын алу қарастырылады. Қазақстан Республикасында балаларды қорғау саласындағы негізгі проблемалардың бірі отбасылық қолайсыздықтың, балаларға қатал қараудың және зорлық-зомбылықтың барлық түрлерінің таралуы болып табылады. Ата-аналардың өз балаларын жауапты тәрбиелеу мәселесі бар екендігі көрсетіледі. Аталған проблемаларды шешуде алдын алу бағытындағы атаулы іс-шараларды өткізу және кәмелетке толмағандардың заңды өкілдерінің әкімшілік жауапкершілігін нақтылау қажеттігі негізделеді. Ата-аналардың өз балаларын жауапты тәрбиелеу мәселесі бар екендігі көрсетіледі. Аталған проблемаларды шешуде алдын алу бағытындағы атаулы іс-шараларды өткізу және кәмелетке толмағандардың заңды өкілдерінің әкімшілік жауаптылығын нақтылау қажеттілігі негізделеді.

Summary

This scientific article examines the legal problems of strengthening the role of the family, increasing the authority of parenthood in the family and society, and preventing family problems. It is considered that one of the main problems in the field of child protection in the Republic of Kazakhstan is the prevalence of family problems, child abuse and all forms of violence. It is indicated that there is a problem of responsible parenting of their children. It is proved that it is necessary to carry out targeted preventive measures in solving these problems and specify the administrative responsibility of legal representatives of minors.

УДК 34:634(574)

**Сулеева А.М.,
Евразийская юридическая
академия имени Д.А. Кунаева**

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САДОВОДЧЕСКИХ ТОВАРИЩЕСТВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

В статье рассмотрены вопросы государственного правового регулирования организации деятельности садоводческих товариществ в РК. Исследуется проблема сочетания и конфликтологии частного правового и публично-правового методов регулирования применительно к организации садоводческих товариществ. Исследуется роль государства в земельно-правовых отношениях, его правовой потенциал в регулировании организации садово-дачных отношений. В результате проведенного анализа, а также сравнительно-правового анализа норм зарубежного законодательства рассматривается возможность введения в регулирование отрасли административно-правовых ресурсов, в императивном порядке закрепляющих организацию деятельности садоводческих товариществ в Республике Казахстан.

Правовой анализ действующего законодательства Республики Казахстан, подтверждает неотложность определения государственной правовой осознанности и адаптации садово-дачного сегмента в общую инфраструктуру общественных

отношений. Множество недоурегулированностей, пробелов, противоречий, а также выявленная конфликтология отраслей правового регулирования привели к полной дезорганизации указанных отношений, имеющей негативные последствия в практике правоприменения. Данная ситуация указывает на несовершенство государственно-правового регулирования в целом, отсутствие государственно-правовой политики в отношении развития отрасли.

Рассмотрим подробнее. В ст. 102 Земельного кодекса Республики Казахстан (далее - ЗКРК[1]), в частности, установлено, что: «Граждане, являющиеся собственниками земельных участков для ведения личного подсобного хозяйства, садоводства и дачного строительства, вправе в общих интересах объединяться в простые товарищества, садоводческие или иные потребительские кооперативы, правовое положение которых определяется законами РК» (ч.4 ст.102 ЗКРК).

«В тех случаях, когда земельные участки, предназначенные для садоводства или дачного строительства, находятся в раздельной собственности граждан РК, а земельные участки и другое имущество, предназначенные для удовлетворения общих нужд собственников земельных участков, находятся в их общей долевой собственности, к отношениям между собственниками, связанными общим имуществом, применяются нормы о кондоминиуме» (ч.5 ст.102 ЗК РК).

Таким образом, правовая организация садово-дачного хозяйства (по аналогии – от личного подсобного хозяйства) (ч.1 ст.102 ЗК РК), регламентирована земельным законодательством. При этом, анализ рассматриваемых норм ЗК РК сразу же выявляет ряд проблем. Во-первых, их бланкетность и отсылочный характер.

Во-вторых, предложенная организационно-правовая форма уже занимает свою нишу в системе отношений, урегулированных гражданским законодательством. Данный фактор не может не настораживать, так как данные организационные формы имеют строго специализированную привязку. История кооперации берет свое начало с советских времен. В последующем, в 90-х, после того, как Казахстан вошел в рыночные отношения, целью кооперации стала предпринимательская деятельность. Гражданский кодекс 1994 года учел особенности правовой организации и деятельности потребительских кооперативов и содержание этих правоотношений составило нормы Общей части ГК(далее - ГК РК [2]) (ст.108).

То же самое можно сказать о договоре о совместной деятельности, ставшим востребованным в кооперации усилий для достижения коммерческих целей. Кондоминиум стал одним из новых гражданско-правовых конструкций, регулирующих права и обязанности собственников квартир.

Соответственно организация коллективного садоводства была встроена в уже существующие гражданско-правовые конструкции без оглядки на земельное законодательство, являющееся в исследуемых отношениях родовым, исходным. Закон предусматривает приоритет земельного законодательства перед гражданским. При этом, нормы гражданского права применяются, тогда, когда:

1) земельное законодательство делает ссылки на нормы гражданского законодательства, например, в соответствии с п.4 ст.6 ЗК РК «имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по совершению сделок с ними регулируются гражданским законодательством РК, если иное не предусмотрено земельным, экологическим, лесным, водным законодательством РК, законодательством РК о недрах, о растительном и животном мире, особо охраняемых природных территориях;

2) некоторые вопросы, складывающиеся по поводу земельных правоотношений не урегулированы земельным законодательством (ст. 1 ГК РК).

В-третьих, в отличие от гражданского права, характеризующимся диспозитивным методом правового регулирования, земельное характеризуется императивным методом. Предметом земельного законодательства являются земля, отношения, непосредственно связанные с землей. Земля же, как предмет и объект правового регулирования, в отличие от иных, обладает стратегическим свойством.

В Конституции 1995 г.[3] норма, закрепленная в п.3 ст.6 звучит следующим образом: «земля и ее недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы находятся в государственной собственности. Земля может находиться также в частной собственности на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом». Рассматриваемая норма была закреплена, также в ст. 193 ГК РК.

Из норм Конституции вытекает, что важным негласным участником земельных отношений выступает государство. Императивное регулирование земельных правоотношений означает, что земельные участки могут являться предметом гражданско-правовых сделок, объектом землепользования лишь поскольку это позволено государством в тех или иных границах. Земля, являясь природоресурсным объектом, находится под пристальной опекой государства и не может быть полностью оборотоспособной. Государство определяет четкие рамки возможного применения гражданско-правового регулирования и должно контролировать использование земельных участков на соответствие нормам природоресурсного законодательства РК.

Государство вправе распоряжаться землей, например, определять ее статус, в одностороннем порядке меняя ее назначение, территориальную принадлежность, не испрашивая на то интересы собственников. Примером служит выше приведенный случай по присоединению у городу Алматы части земель алматинской области [4].

Управление государством эколого-правовыми отношениями накладывает на них серьезный отпечаток и во многом определяет их специфику.

«В земельных отношениях государство участвует в двух совершенно разных качествах – как суверен и как собственник, чего нельзя сказать о гражданских правоотношениях. Не случайно в многочисленных документах таких авторитетных международных организаций, как ООН, ФАО, ЮНЕСКО, рекомендовано странам мирового сообщества издавать законы, регулирующие земельные отношения исходя из факта существования определенных противоречий между публичными и частными интересами в данной сфере» [5], - подчеркивает Ж. Косанов.

Государство являясь властным субъектом, одновременно выступает активным участником земельного рынка как субъект гражданских прав. Тем не менее, земельные участки для ведения садоводства и дачного строительства, в частности, предоставляются в Республике Казахстан посредством решений и постановлений уполномоченных исполнительных органов власти (акимов). Государство, таким образом, закрепляет за собой решающее, властно-организационное начало, в том числе формируя правовые источники регулирования. Более того, коллективный договор участников садово-дачной кооперации, отданный на откуп гражданско-правовому регулированию, по сути своей, остается договором землепользования, т.к. его целью, согласно действующему законодательству, является ведение садово-дачного хозяйствования. Соответственно, специфика применения договорной конструкции в законодательстве о земельных отношениях, в частности, должна быть учтена.

При этом активизация участия государства в земельных правоотношениях, а также совершенствование институтов частной собственности на природные ресурсы, возрастание роли договора и других частноправовых институтов, утверждение тенденций усиления гарантий права частной собственности определяют тенденцию усиления прав частного собственника. Это нашло свое отражение в ходе конституционных реформ, когда в Проекте закона РК «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» [6], была предпринята попытка ввести дополнительные механизмы гарантий права частной собственности.

Таким образом, нельзя умалять роль государства в решении указанных проблем в политико-правовом формате. Ключевым моментом в данном направлении, является определение баланса частноправовых и публично – правовых ценностей, выработка правовых механизмов реализации их соотношения применительно к регламентации отношений в сфере садоводства и дачного строительства.

По мнению Б. Гонгало: «Соотношение частного и публичного скорее всего можно представить как единство и борьбу противоположностей. Поскольку правовые нормы творятся государством - субъектом публичного права, постольку нередко делается «крен» в сторону публичных (а не частных) интересов. Зачастую используется «административный ресурс» [7].

С данной позицией можно согласиться исходя из современной практики правотворчества и правоприменения в области садоводства и дачного строительства. Например, одной из причин отсутствия законодательной инициативы в данной области общественных отношений является ситуация, когда государство, в лице уполномоченных органов, не пытается никаким образом изменить ситуацию: ни специализировать исследуемый формат правоотношений, ни нивелировать их вовсе. Причина банальна – органы исполнительной власти пытаются как можно дальше отодвинуть проблему затрат по обеспечению и обслуживанию коммуникаций в садоводческих товариществах. Сейчас – это забота самих садоводческих товариществ.

Данные обстоятельства делают проблему соотношения в праве частного и публичного актуальной вне зависимости от особенностей политического и экономического устройства того или иного общества, в котором само право призвано функционировать [8]. Вместе с тем, на современном этапе общественного развития и правовой действительности, в Казахстане (как и ряде других государств постсоветского пространства) имеют место сравнительно новые тенденции, которые, в конечном итоге, определяют характер взаимодействия частного-правового и публично-правового начал регулирования и придают особую остроту указанной проблеме. Речь идет, прежде всего, о формировании на различных уровнях общественно-политической жизни целого комплекса качественно новых взглядов на место и функции государственной власти в системе правовых институтов и, как следствие, представлений о роли и назначении государственно-властного регулирования общественных отношений. Подобная ситуация обуславливает возникновение ряда процессов, которые в значительной степени предопределяют направление и характер развития правовой системы государства.

В трудах исследователей-цивилистов неоднократно подчеркивалось, что «частно-правовые отношения являются, прежде всего, сферой юридической децентрализации, где отсутствует единственный властный центр, способный подчинить своей воле остальных субъектов и, в то же время, значительному количеству граждан и организаций предоставлена широкая возможность

регулирования отношений по собственному усмотрению, выбора того или иного варианта поведения из многих возможных, установления взаимных прав и обязанностей по обоюдному согласию, а не в силу веления уполномоченных органов государственной власти»[9,с.39]. Поскольку субъекты частно-правовых отношений имеют широкую свободу деятельности по собственному усмотрению и собственной воле, здесь создается возможность наиболее полного удовлетворения разнообразных интересов. Более того, в подавляющем большинстве случаев, с целью реализации собственных интересов граждане и юридические лица как раз и вступают в подобного рода отношения.

Однако, наличие множества интересов, каждый из которых, к тому же, должен получить равное признание и защиту (исходя из принципа равенства участников частно-правовых отношений) неизбежно приводит к возникновению противоречий между ними [10,с.86]. Более того: «Существенные противоречия возникают не только между собственными интересами участников отношений частного права; их интересы нередко входят в конфликт с интересами более общего характера – коллективными, государственными, общественными» [11,с.19].

Проблему усугубляет тот фактор, что несмотря на признание возможности подобного несовпадения, пагубность его последствий и многие иные связанные с этим проблемы, как правило, все же не становились предметом пристального внимания юридической науки, а иногда и вообще не учитывались, что находило свое выражение в категорических выводах, например, о невозможности принижения интересов коллективов и граждан общенародными интересами [12,с.56], отсутствии непримиримых противоречий между интересами государства и личности в обществе [13,с.52] и пр. Опыт сегодняшней нормотворческой и правоприменительной деятельности с наглядностью продемонстрировал, что игнорирование подобных противоречий, в конечном итоге, будет иметь последствием ущемление прав граждан, либо полную невозможность реализации того или иного социального интереса, зачастую – групповых интересов. При этом возможны различные ситуации: удовлетворение личных либо групповых интересов за счет интересов общества или государства, необоснованное и чрезвычайно широкое подчинение интересов граждан и коллективных образований общественным или государственным интересам, ничем не оправданный разноуровневый подход к защите однопорядковых интересов и пр. Состояние правовой действительности, в которой реализация интересов происходит подобным образом, по нашему мнению, недопустимо, несмотря на неравномерность развития общественных институтов.

Следовательно, в более узком значении, применимом в отношении регламентации организационно – правовой формы садоводческих объединений поиск гармоничного сочетания частных и публичных интересов все же необходим.

Обеспечение такого сочетания представляет собой особую сложность, поскольку каждый из субъектов частноправовых отношений наделен юридически равными возможностями для воплощения собственных интересов, которые в равной мере защищены. Поставленная цель может быть достигнута в частном праве исключительно при надлежащей реализации публичного интереса, который, являясь, в силу своей сущности, обеспечиваемым средствами государственно-властного воздействия, в то же время «принимает во внимание» различные по носителям и степени обобщенности социальные интересы. Более того, все указанные обстоятельства не только ставят публичный интерес в ряд охраняемых законом, в том числе нормами гражданского законодательства, интересов, но и делают его

единственным основанием для внесения элементов публично-правового регулирования в сферу частного права.

Ярким примером может служить регулирование садово-дачных отношений в Республике Беларусь. Согласно п.3 ст.210 Гражданского кодекса Республики Беларусь: «Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами в той мере, в какой их оборот допускается законодательством, осуществляется их собственником свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает права и защищаемые законом интересы других лиц» [14].

При этом земли садоводческих товариществ образуют отдельную категорию земель земельного фонда РБ. В соответствии со ст.6 Кодекса РБ «О земле» [15] «К землям населенных пунктов, садоводческих товариществ, дачных кооперативов относятся земли, земельные участки, расположенные в границах городов, поселков городского типа, сельских населенных пунктов, садоводческих товариществ, дачно-строительных кооперативов, за исключением земель, отнесенных к иным категориям в этих границах».

Члены рассматриваемых кооперативов являются самостоятельным землепользователем (ст.ст.12,14 Кодекса РБ «О земле») [131,с.35-38]. Земельные участки, предоставленные для ведения коллективного садоводства членам товарищества в пределах товарищества, осваиваются за счет средств членов садоводческих товариществ

Садоводческое товарищество не имеет права предоставлять и изымать участки у своих членов, поскольку его права распространяются только на земли общего пользования [16]. Земельные участки общего пользования садоводческого товарищества осваиваются и содержатся за счет средств товарищества.

Особый интерес представляет норма, согласно которой члены садоводческого товарищества и дачно-строительного кооператива,, имеющие участки в частной собственности, при выбытии или исключении из членов из кооперативов обязаны произвести отчуждение земельного участка в течение одного года со дня прекращения членства в кооперативе. Граждане РБ, у которых такие участки находятся в пожизненном наследуемом владении, обязаны в такой же срок распорядиться принадлежащими им строениями [17,с.35-38].

Указанная норма несет в себе административно-правовой ресурс, она императивна и стоит над гражданско-правовой структурой садово-дачной организации. С одной стороны она служит закрепляющим фактором структуры коллективного садоводства и дачной кооперации, интересов и правовой дисциплины данной организации, но другой стороны, нарушает одно из правомочий собственника по свободному распоряжению своего имущества.

Режим обязательного членства закрепляется правилом, согласно которому «лицо, которое приобрело в товариществе садовый домик, хозяйственные строения и сооружения, расположенные на земельном участке, находящемся на праве пожизненного наследуемого владения или аренды, становится членом товарищества со дня государственной регистрации права на этот земельный участок [18]. При отказе наследников от вступления в состав членов товарищества путем подачи заявления в правление в порядке и в сроки, установленные Уставом товарищества, они обязаны в течение одного года со дня государственной регистрации права на земельный участок, находящийся в границах товарищества, произвести отчуждение

этого земельного участка, а также распорядиться расположенными на нем садовым домиком, хозяйственными строениями и сооружениями [18].

Рассматриваемые положения также выявляют попытку законодателя, используя административно-правовой ресурс, определить приоритет статуса садоводческой организации перед иными правами ее членов, с соблюдением последних. Поэтому могут стать наглядным шаблоном для рецепции в действующее право Республики Казахстан. В данном случае законодатель не стал решать проблему баланса и соотношения отраслевых подходов к регулированию отношений в области садоводства и дачного строительства, а использовал императивные механизмы в пользу укрепления их социально-правового статуса.

Данный пример может служить наглядным примером осознания того, что роль государства в упорядочении не имеющих действующую правовую основу отношений садоводства и дачного строительства в Республике Казахстан, сводится в выделении данных отношений в отдельную правовую отрасль, регулирующую специальными нормами права. Специализация регламентации, в свою очередь, должна учитывать соотношение частных интересов, в основе которых отношения собственности, а также публично-правовых основ земельного законодательства. Необходимым в данных правоотношениях является внедрение административно-правового ресурса, выраженного в некоторых элементах административно-правовых режимов, функциях административного права, служащих синтезирующим свойством реализации садоводческой кооперации в Республике Казахстан. Административно-правовые регуляторы, обладающие императивными, публично-правовыми свойствами, позволят закрепить правовые конструкции государственно – правовой организации садово-дачной деятельности и адаптировать их систему действующего права Республики Казахстан.

Список литературы:

1. Земельный кодекс Республики Казахстан от 20 июня 2003 года № 442-ІІ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.04.2019 г.)//«Казахстанская правда» от 26 июня 2003 г. № 183-184 (24123-24124).
2. Гражданский Кодекс Республики Казахстан (Общая часть) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2017 г.)//Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан, 1994 г., № 23-24 (приложение); 1995 г., № 15-16, ст. 109; № 20, ст. 121; Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1996 г., № 2, ст. 187.
3. Конституция 1995 (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями, внесенными Законом РК от 10.03.2017 № 51-VI)/«Казахстанская правда» от 8 сентября 1995 г.
4. Указ Президента РК № 798 от 16.04.2014 г. «Об изменении границ города Алматы»//https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31536181.
5. Косанов Ж. Особенности правового регулирования имущественных аспектов земельных отношений//Правовая реформа в Казахстане, 2003//<https://articlekz.com/article/4819>.
6. Проект закона РК «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан». Вынесен на всенародное обсуждение с 26 января 2017 года до 26 февраля 2017 года, в соответствии с распоряжением Президента РК от 25 января 2017 года № 141//ИС «Параграф»//www/http://online.zakon.kz

-
7. Гонгало Б. Цивилистика в динамике// «ЭЖ-ЮРИСТ», N 18, май 2004 г.
 8. Иоффе О.С. Гражданское правоотношение//Очерки по гражданскому праву. Сб. статей. Л., 1957.
 9. Покровский И.А.Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 39.
 10. Лазарев Б.М. Социальные интересы и компетенция органов управления // Сов. Государство и право. 1971. № 10. С. 86.
 11. Сабикенов С. Право и социальные интересы в социалистическом обществе. Автореферат диссертации на соискание степени докт. юрид. наук. Алма-Ата, 1986. С. 19.
 12. Свердлов Г.А. Гражданско-правовые способы сочетания общественных, коллективных и личных интересов. Свердловск, 1980. С. 56.
 13. Новицкий И.Б. Солидарность интересов в советском гражданском праве. М., 1951. С. 52.
 14. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 218-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.01.2017 г.)//«Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь», 1999 г., № 7-9, ст. 101.
 15. Кодекс Республики Беларусь «О земле» № 425-З от 23.07.2008 г. http://kodeksy-by.com/kodeks_rb_o_zemle.htm.
 16. Правовой режим земель садоводческих товариществ и дачных кооперативов//https://studopedia.ru/2_461_pravovoy-rezhim-emel-sadovodcheskih-tovarishchestv-i-dachnih-kooperativov.html.
 17. Чернов А.В., Казакевич Н.А. Оскирко О.А. Рудакова В.С. Земельное право: курс лекций. Особенная часть. Горки. БГСХА. 2014. – 137 с. ISBN 978-985-467-434-6.
 18. Станкевич Н.Г. Садоводческое товарищество в системе юридических лиц//<http://elib.grsu.by/katalog/165715-364810.pdf>.

Түйіндеме

Мақалада Қазақстан Республикасында бағбандық серіктестіктердің қызметін ұйымдастыруды мемлекеттік және құқықтық реттеу мәселелері қарастырылады. Жеке меншік құқықтың және бау-бақша шаруашылығы нысандарын ұйымдастырумен байланысты мемлекеттік реттеудің әдістерінің үйлесімі мен конфликтологиясы мәселесі зерттелген. Талдау нәтижесінде, сондай-ақ шетелдік заңнама нормаларына салыстырмалы-құқықтық талдау жасау арқылы, Қазақстан Республикасында бағбандық бірлестіктерінің қызметін ұйымдастыруды нақты белгілейтін әкімшілік-құқықтық ресурстарды салалық реттеуге енгізі мүмкіндігі қарастырылған.

Summary

The article deals with the issues of state-legal regulation of the organization of horticultural associations in the Republic of Kazakhstan. The problem of combination and conflictology of private-legal and public-legal methods of regulation in relation to the organization of horticultural communities is investigated. The role of the state in land and legal relations, its legal potential in regulating the organization of garden and country relations is investigated. As a result of the analysis as well as comparative legal analysis of

norms of foreign legislation the possibility of introducing in the regulation of industry, legal and administrative resources, a peremptory order fixing the organization of the horticultural society in the Republic of Kazakhstan.

Ғылыми журнал

**ВЕСТНИК
ЕВРАЗИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
ИМЕНИ Д.А. КУНАЕВА
№ 4 (71), 2019г.**

Научный журнал

Подписано в печать 10.01.2020г. Формат 60x84^{1/8}.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л.10. Тираж 500 экз. Заказ № 000014.

Адрес издательства:
г. Алматы, ул. Ади Шарипова 120
+7 (777) 214-02-50, +7 (707) 214-02-50
almaprintmaster@gmail.com